

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

АРИЭЛЬ

Девятая книга стихотворений

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

АРИЭЛЬ

**Девятая книга
стихотворений**

1976

© by V. Pereleshin, 1976
Printed by Possev-Verlag, V. Goradiek KG.
Frankfurt/Main

Валерий Перелешин — один из самых выдающихся современных русских поэтов. Имею в виду не только Зарубежье, но и Россию. Таких поэтов, как он, едва ли наберется десятеро!

Искусство Валерия Перелешина не поддается исчерпывающей характеристике. Тем лучше: капли, крупы, дробы в искусстве не менее существенны, чем круглые числа.

Обширна тематика Валерия Перелешина. Его поэтическая география охватывает многие страны, русскими поэтами мало исследованные. Это Маньчжурия, Китай, а также Бразилия. Несколько стихотворений посвящено Франции. Присутствует в его стихах и Россия.

Валерий Францевич Салатко-Петрище, принявший имя Валерия Перелешина, родился в Иркутске. Отрочество и юность провел в Харбине. Позднее жил в Пекине. Выучил китайский язык. Его переводы поэтов-классиков Китая — лучшие из всех существующих на русском языке. И его перевод Ли Сао, поэмы Цюй Юаня, несомненно, внес какую-то новую китайскую ноту в русскую поэзию.

В Бразилии Валерий Перелешин выучил португальский язык и переводит поэтов Португалии и Бразилии: и эти переводы очень хороши.

Но он не только переводит. В русской поэзии останутся его образы Азии — пекинская улица «чжи жу фа». Его Бразилия причудливо «смешивается» с Рос-

сией на утопическом «острове Розилии-Брассии». А во сне он видит «мирный мир, /где с русским медведем рядом/ бразильский грелся тапир».

В ХХІ веке (если только он «наступит»!) ему поставят памятники в Пекине, в Рио-де-Жанейро и в Иркутске...

Эмиграция — всегда несчастье, но далеко не всегда — неудача. Валерий Францевич бывал в тех поистине трагических переделках, которые знакомы всем современным эмигрантам разных наций. Но, к счастью, выжил и обогатился новым творческим опытом. И он продолжает духовно расти, радуя новыми стихами. Для него, по крайней мере, эмиграция стала удачей.

Книга сонетов Валерия Перелешина посвящена Ариэлю — этим именем шекспировского духа воздуха (в Буре) он называет своего никогда не виденного друга: «Москвича», «Евгения» или просто «Женю». Любовь эта платоническая и, вместе с тем, очень страстная. Она явно обречена на неудачу. Но именно Ариэль — высшее достижение Валерия Перелешина, его удача в лирике, его акме.

Кажется, никто еще в поэзии так безнадежно, но и блаженно не любил невидимок — и при этом не небесных (ангелов), а земных! Есть безумие в этой перелешинской «любви по почте», но есть и яркость, сила, напряженность, которой часто не бывает в обыкновенных «любвях». В своих строгих, сжатых, но и насыщенных лирическим динамитом сонетах Перелешин дает все аспекты и нюансы своей страсти, не ведомой другим поэтам.

Нижние ярусы этой эротики — темные. Перелешин жутко творит своего пусть и существующего, но невидимого, неосязаемого Ариэля. Он в его мозгу:

Раскромсанный на составные части,
В которых я едва признать могу
Мой вымысел — дитя моей же страсти.

Во всех телах знакомое любя,
Из месива я воссоздам тебя.

Жуткое это творчество: такое не снилось ни Федору Сологубу, ни Эдгару Аллану По. К Ариэлю обращены и эти не менее жуткие з м е и н ы е стихи:

А я и сам, обжорой и добычей,
Живу тобой — и кролик, и удав —
Всего тебя впитав и напिताв.

В некоторых других своих стихах Валерий Перелешин склоняется к нирване. Между тем, ждущие нирваны таких жгучих страстей не знают. Но, может быть, именно эти страсти и вызывают тоску по бесстрастному нирванному блаженству-беспамятству. Вообще, многое в лирике Валерия Перелешина остается необъяснимым, загадочным. Повторяю, его творчество нельзя исчерпать комментариями... и, тем более, в таком коротком очерке.

Не буду перечислять все другие возможности этой невозможной и, кажется, еще никем не испытанной одержимости. А вариантов ее в поэзии Валерия Перелешина — множество!

От низов, минуя середину, сразу перейдем или взойдем на высоты этой любви — уже не страстной, а нежной — к сонету Д о с т о й н о м у :

Сегодня я — Борей седобородый,
И не во сне, а будто наяву
То кашляю на зябкую Москву
По-старчески, брюзгливой непогодой,

То, поощрен губительной свободой,
Рву с тополей засохшую листву,
То, как медведь разбуженный, реву —
Встав на дыбы, гремлю полярной одой.

А может-быть, не снежным стариком
Прийти к тебе, а южным ветерком
Из золотой Бразилии — отсюда,

Чтоб над тобой как не бывало зим?
Верь, юноша, и будь приёмник чуда:
Державиным ты тоже одержим.

Рифмы богатые: например, наяву — Москву — листву — реву. Тон торжественный, строгий. Но включены разговорные выражения: «на дыбы», «как не бывало», и есть конкретность в описаниях: зябкая Москва, брюзгливая непогода.

Один из источников вдохновения Перелешина — Державин: «С белыми Бррей власами / И седую бородой...» (На рождение на севере порфиноносного отрока, 1779). Этого Борей можно отождествить и с Державиным, и с лирическим героем этого стихотворения: снежным стариком. Еще образ медведя, иногда символизирующего Россию: и в виде этого зверя можно представить и Державина и по-медвежьи ревущего Перелешина.

А последние стихи воспринимаются как эпиграф к стихам всех нынешних поклонников Державина,

будь то Кушнер или Бродский (и самого себя я к этому сонму причисляю):

Державиным ты тоже одержим.

Здесь сами звуки — державинские (рцы, живот), прозвучавшие в Реке времен: То вечности жерлом пожрется... Так, по-державински, ревел и Маяковский: Хлебище дайте жрать ржаной... В орбите Державина вращалась и Цветаева.

Могучего Державина — барина-мужика и русского Пиндара — прежде считали классиком или же лжеклассиком, а он вершина русского барокко (после Ломоносова). Из хрестоматий его давно исключили, а вот этот великий какофонический варвар, наконец, дождался своего апофеоза в XX веке.

Барокко, державинщина — только одна из поэтических стихий, вдохновляющих Валерия Перелешина. По существу, он более классик, чем «барочник», и чужд той неряшливости, которая характерна для Державина и его правнуков в русской поэзии XX века.

На низах: Ариэль — жуткий зоологический гибрид или гомункул, а на верхах — ему, живому, не сделанному, Валерий Перелешин пропел свой сонетный аксиос (достоин). И в этом аксиологическом сонете — есть жизнь, есть выстраданное и заслуженное здоровье, есть братская нежность, есть и счастье — увенчание того колдовства, о котором Перелешин сказал в другом сонете (Бессонница):

Тянись же, ночь, крылатая напастью,
И ни за что бессонницы такой
Не предавай здоровью или счастью!

Юрий Иваск
Амхёрст, Массачусетс.
Ноябрь, 1975 года.

АКРОСТИХ

Жалеть о том, что я в ином кругу,
Едва ли мне позволено, изгою,
Но, вдохновлен задачей дорогою,
Я твой расцвет любовно стерегу.

Верь, юноша: тебе я не солгу
И праздною не развлекусь игрою:
Ты мне, как сын, дарованный судьбою
Коварною на дальнем берегу.

О, я хочу преемника такого
В тебе найти, чтоб ты сверканью слова
Служил, как я — по высшей мере сил.

Кто упрекнет мой дух за вероломство?
Избранника и прежде я просил —
И с ним, и в нем произвожу потомство!

20 апреля 1971 г.

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ «ОКЕАНА»

В отчаянной игре самообмана
Не защитят ни крепости, ни рвы,
И снова я зову тебя на «вы»
За семь морей, за гребни океана.

На корабле Фернана Магеллана
Проплыли вы от пристани Москвы
Атласами небесной синевы
С белесыми разводами тумана.

Увенчанный поношенным венком,
Я в диалог вступаю с учеником
Доверчивым, любезным, долгожданным,

И разговор по свету прогремит:
Входите же, в одном лице желанном,
Мой Менексен, мой Лисий, мой Хармид!

11 апреля 1972 г.

МЫ

Бесстрастная святыня воплощенья —
Высокое помазанье Христа,
Но женщину целуем мы в уста
И от нее иного ждем свершенья.

А нужно ли для оплодотворенья,
Чтоб корчилась от похоти чета?
Ведь в мире есть и волны, и цвета,
И зеркала, и отголоски пенья.

Потомки двух горячих облаков
Перебегут за сумерки веков.
Двум ветровым, влюбленным Ариэлям

Дано творить в безгрешной высоте,
А ниже — мы: горим и с ними делим
Чудесный дар зачатья в красоте.

24 июня 1972 г.

ДВОЕ

Наверное, в одном из воплощений
Ты был моим сиамским близнецом:
Не звал меня ни старцем, ни отцом,
А братом был Валерию Евгений.

Доверчивей мы были и смиренней
И, связаны не цепью, не кольцом,
А общими началом и концом,
Делили боль и счастье сновидений.

А нынче я гляжу на твой расцвет
Через моря и тридцать слишком лет,
И я не весь, а только половина.

Но, чтоб вернуть хоть меньшее сродство,
Хотел бы я ласкать тебя, как сына —
Как сына ты ласкаешь своего.

20 июля 1972 г.

ДЕНЬ И НОЧЬ

(I)

Мы — день и ночь, не просто антиподы:
Ты, пламенный, восторженный, дневной,
Не брезгаешь ни боксом, ни пивной,
Ни сменами литературной моды.

А я — ночной. Несчитанные годы
Я зоркою заполнил тишиной,
И столько раз я для нее одной
Насильственно задерживал восходы!

Не в эти ли волшебные часы
Колеблются вселенские весы,
Феб, нехотя, покорствует поэту

И рифмою готов ему помочь?
Но, все-таки, я уступаю свету,
И снова мы, как были: день и ночь.

20 августа 1972 г.

ДЕНЬ И НОЧЬ

(II)

День видится нарядным и красивым
С гармоникой и в кольцах напоказ,
Но каждый тот обточенный алмаз —
Одной души с хозяином хвастливым.

Зато потом, склонившись над заливом,
Прищурит ночь зеленоватый глаз
И свой начнет скандировать рассказ,
И, как она, я стану прозорливым.

Сквозь тонкую, сквозную темноту
Я выпущу проворную мечту
В мір парусов, папирусов и тлена.

Не утерпев, я сам летал бы с ней,
Но по стеклу стучит уже надменно
Безвкусная коллекция перстней.

20 августа 1972 г.

ПАРАЛЛЕЛИ

Столетия — игрушки наших муз;
Бессмертные, друг другом мы воспеты.
Свинцовые, седые воды Леты
Разрушат ли незыблемый союз?

Напор тяжел, но не прорвется шлюз:
Заклятием положены сонеты:
Вот я — Шекспир второй Елизаветы,
А ты — другой, прозревший Вилли Хьюз.

А может-быть, ты юноша великий,
Божественный, прекрасный, светлоликий
Утопленник — умерший, но живой,

Чтоб я глядел за гребни океана
На мраморный Антиноополь твой
Усталыми глазами Адриана?

25 августа 1972 г.

ТОМЛЕНИЕ

Четвертая неделя без родного
Крылатого, волшебного письма!
Лишь в зеркале мелькает бахрома
Посланницей от мира несплошного!

Беззвучный звук, немолвленное слово —
Бред, выдумка упрямого ума?
Полосками ложатся свет и тьма,
Но светлое развеяться готово.

Приподними глухую пелену,
Дай звездочку увидеть хоть одну —
Последнюю не знавшую неволи,

Мой жалобный, мой обреченный свет,
И слепятся из отголосков боли
Сон радужный и радостный сонет!

4 сентября 1972 г.

ИЗДАЛЕКА

Прощения страшась, а не суда,
Вернется ли бежавший раб Онисим?
Вот так и мы от мелочи зависим,
От робости, от ложного стыда.

«Вы — лучший друг», но горькая беда —
Условные пределы ставить высям:
Ведь я, когда писал Вам сотни писем,
О Вас на «Вы» не думал никогда!

Теперь зима без будущего лета,
Большая ночь без проблесков рассвета,
И пишется признание само —

Всей солью слез, кровавыми словами:
«Ты, твой, тебе», но лжет мое письмо, —
Издалека я им прощаюсь с Вами!

23 сентября 1972 г.

ДАЛЕКОМУ

Похож ли ты на стройного Хармида,
Прекрасен ли, как юный Антиной, —
Не ведаю, но ты всегда со мной
Без голоса, без образа, без вида.

Простой пиджак — не та же ли хламида,
Велосипед — не конь ли вороной?
И, если ты бесцветный и земной,
Не в тусклости, не в серости обида,

А в дальности. Но счастлив я и тих:
Ведь дух один задуман на двоих,
В телесности не ищущий подпорок.

Пусть был бы ты на эллина похож,
Похорошуй ты многим был бы дорог,
А мне — сейчас — ты помилу хорош!

27 сентября 1972 г.

ПРИЗНАНЬЕ

Художник эллинский, Нарцисса, Ганимеда
Изображение на вазу поместив
И сам протиснувшись в тысячелетний миф,
По следу ложному пускал искусствоведа.

К трехцветной росписи — о, тайная победа
Над мощью Хроноса! — свой добавлял он гриф
И слово странное приписывал: «красив!»
Уликой страстного, восторженного бреда.

Где нынче стамносы? Разбитые горшки!
Но, вместе хрупкие слагая черепки,
Мы слышим возгласы неспетых дифирамбов

Красноречивее невыплаканных слез.
...Мне прятать нравится среди печальных ямбов
Признание: EUGENES — O EPHEBOS KALOS.

27 сентября 1972 г.

СЛОВО АРИСТОФАНА

Давным-давно, в иные времена
На трех полах держалась быль земная:
«Он» был двойной, «она» была двойная,
А третьим был блудливый «он-она».

Порода та была весьма сильна:
Округлая и несколько смешная,
Она жила, богов не вспоминая,
И надвое за то рассечена!

С тех пор Аякс рыдает об Аяксе,
Поет Сафо о девах Митилен,
А третий пол толпится в каждом ЗАГС'е,

Предведая заманчивость измен:
Сожителей захватывает с бою,
Детей растит и хвалится собою.

30 сентября 1972 г.

СТЕПЕНИ

Цвета бледней, неуловимей звуки,
И целый мир скупей и холодней.
Сравнительных не надо степеней,
Чтоб говорить о несравнимой муке.

Разлука ли прибавлена к разлуке —
Беда к беде? И что мне делать с ней?
Ведь черное не может быть черней,
И спору нет об азбуке науки.

Ты далеко, единственнейший мой,
Согбеннейший страшнейшею зимой,
Казненнейший на плахе всенародной,

А я, в твоей виновнейший судьбе —
И в степени постыдно превосходной —
В чернейший день рыдаю о тебе.

2 октября 1972 г.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР

Творятся ревностью — моим хрустальным шаром —
Концы *возможные*: мелькает предо мной
Когда-то банщиком служивший Антиной,
Со связкой бубликов, за тульским самоваром.

Потом, подагриком и себялюбцем старым,
Беззубо шамкает и ссорится с женой
Тот Бози ветреный, что в юности шальной
Неосмотрительно погнался за Икаром.

Вот поумневшие Рембо и Максимин
Считают месяцы по датам именин,
Четырехлетия — по новым полотенцам.

И мой мечтательный, лукавый Ганимед
Следит за временем по хнычущим младенцам
И скудной хронике копеечных побед!

4 октября 1972 г.

ДОЛГОЖДАННОЕ ПИСЬМО

Твое письмо поет передо мной,
И то же в нем любовное признание:
Обновлены завет и обещанье
Двойной любви и верности двойной.

Опять волна рифмуется с волной,
С дыханием сливается дыханье,
А пламени разгар и затуханье —
Два времени, но в повести одной.

Блаженный день гармонии прекрасной:
Согласная бежит в обнимку с гласной,
О твердости и грубости забыв.

Трубят спондей, еще вчера понурый,
И пауза — прощенный перерыв —
Становится ритмической цезурой!

11 октября 1972 г.

АВТОБИОГРАФИЯ

Кудрявым отроком — задумчивый Нарцисс,
Неразговорчивый, я полон был собою.
Как Дафнис девственный, потом ласкал я Хлою,
Потом замужнюю Елену, как Парис.

Немало взбалмошных танцовщиц и актрис
Со мною тешилось двусмысленной игрою,
Пока не сделались приправой к «Домострою»
«Пир» и «Сатирикон», и «Песни Билитис».

Арго без якоря, чужой мясистым целям,
Я стал мечтателем, поэтом, Ариэлем,
Святошей, постником... Теперь, полуседой,

Я от Петрония бегу и от Шекспира,
И «Крылья» легкие мне кажутся водой:
Уж не отместка ли злопмятного мира?

12 октября 1972 г.

ОБЕЩАНИЕ

Под прямотой таится кривизна,
Предательство — под возгласом привета:
В полутенях седеющего света
Быль древняя не раз обновлена.

Порвется ли последняя струна,
Перстом певца в отчаяньи задета?
Поэзия накажет ли поэта,
Гармонией умиротворена?

Нет, никогда похожим я не буду
На Каина, на Брута, на Иуду
И совести не обагрю в крови.

Поверь, тобой я одержим и болен,
И о твоей застенчивой любви
Не прокричу с высоких колоколен!

21 октября 1972 г.

О ГРЕХЕ

Пусть, Господи, забудет он о сыне,
О матери и плачущей жене,
О родине — и явится ко мне:
К Тебе, к судьбе и к мудрости пустыни.

Мы василькам и ворохам полыни
Дадим сгореть в чистилищном огне
И повелим бессмертной купине
Терзать его и врачевать отныне!

Зову, кричу, но небосвод молчит, —
Ведь человек того не разлучит,
Что связано: где двое или трое,

Там Ты в отце, в супруге, в женихе.
Быть по сему! Оставь его в покое,
А мне прости молитву о грехе.

26 октября 1972 г.

ГИГАНТ

Своей любви невиданный размах
Я должен был всей показать вселенной
И возвестить о страсти сокровенной
В bestseller'е, в двенадцати томах,

В элегиях, в симфониях, в громах!
Я не сумел, и вот, несовершенный,
Наказан я презрительной изменой
(О, Господи, куда же я впотьмах?)

В посланьи ложь не сразу ложью станет,
Больней письмо непосланное ранит:
Порву его и оботру слезу,

И поднимусь, и разогнусь прямее,
И, раненый, к тебе не поползу,
Хоть вместо ног даны гиганту змеи!

1 ноября 1972 г.

ЖЕНЯ

Евгением легенд и генварей?
Нет, женственным я околдован Женей:
Я болен им до головокружений,
И приступы всё чаще и острей.

Я думаю: не будет ли хитрей
От ревности бежать и унижений?
Но спрячут ли от судорог и жжений
Семьсот озер и семьдесят морей?

Ведь даже там, взволнован и встревожен,
Наперекор стервятникам таможен,
Со струнами предстанешь ты, любя,

И женомуж, и втайне мужедева:
Пусть любят нас и слушают тебя
Гент гениев и снежная Женева!

7 ноября 1972 г.

ЧЕРВОННЫЙ ТУЗ

Тринадцать карт я поднял со стола:
Как, три туза? Не жалкие валеты!
И семь червей. У счастья есть приметы:
Великая удача нам пришла.

Я начал с двух. В ушах колокола:
Условные вопросы и ответы.
А где же ты, о туз четвертый, где ты?
В чужих руках сулишь ты много зла.

Но «пять бубен» (туз есть) — партнер ответил.
Я перевел: свободен путь и светел,
Противники нам не страшны ничем.

С твоим тузом, с моей влюбленной мастью
Пробьемся мы к неслыханному счастью
И, наконец, большой сыграем шлем!

10 ноября 1972 г.

СУД

История закончится судом:
Поднимется из тусклого шеола
Безжалостный монах Савонарола
Судить Париж, Помпеи и Содом.

Тогда и мы, принижены стыдом,
Свои долги заплатим до обола,
Загромоздив подножие престола
Своей тоской, любовью и трудом.

Тогда сгорят, чтоб дотлеть вовеки,
Базилики, дворцы, библиотеки —
Подачками ворчливому огню.

Какие мы дадим тогда ответы
За музыку, за страстные сонеты?
Твоих стихов и я не сохраняю.

13 ноября 1972 г.

БЕЗ МАСКИ

Ты захотел — и стал моей судьбой:
О сумерках скудеющего мира,
О пламени Платона и Шекспира
И о себе я говорю с тобой.

Мои друзья (из них почти любой —
Язвительный насмешник и придира,
Чьи козыри — издевка и сатира)
Знать о тебе хотят наперебой.

Им предаю тебя в дыму кофейни
За болтовней о скачках, о Бернштейне,
Но и тогда мы все-таки вдвоем.

Лишь по ночам, без ширмы и без маски,
Сонетные замешиваю краски
И мучаюсь в отсутствии твоём.

14 ноября 1972 г.

БРЕД

Не в старости, не как Иоакиму,
Наследника послал тебе Господь.
Твой сын — твоя продолженная плоть:
Завидую двухлетнему Вадиму.

Весны не зная, уже встречаю зиму,
А ты меня к надежде приохоть,
В кольцо любви зажди, обеззаботь,
Сорви милоть, укрась цветами схиму!

Ведь и теперь, как в детстве, я один:
Подкидышем я дожил до седин,
Не отсмеяв недолгого рассвета,

В одно смешав начала и концы.
Ужели боль неизлечима эта?
На склоне лет беру тебя в отцы!

14 ноября 1972 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА

Лишь опытность вполне оценена
По выводам учителей Китая,
И верил я, по книгам вырастая,
Что радости достойна седина.

Унижена и пренебрежена
Была весна развязно-золотая.
Теперь зима: на шкурке горностая
В лесу, в саду густеет белизна.

Ликуй, старик, что молодости бойкой
Я отвечать могу головоюйкой:
Ведь нынче мы и лучше, и мудрей.

Но книжнику с изжогой и одышкой
Как совладать с распущенным мальчишкой,
Когда игра идет без козырей?

15 ноября 1972 г.

СОЛНЦЕ ГАВАОНА

Кивали мне то роша, то гора,
Приветливо поплескивало море,
Но попусту заигрывали зори,
Бросая мне цветы и веера.

Волнистый край небесного шатра
В рассеянном не отражался взоре,
И голос мой терялся в разговоре
О вечности, о бремени добра.

Но ты вошел и возвестил свободу,
И ожил я, прозрел тебе в угоду —
Твоим глазам и вороху кудрей.

Молчанию и ночи ты препона,
Так дольше будь светилом Гаваона,
Помедленней сгорай и вечерей!

16 ноября 1972 г.

КРАПИВНИЦА

Есть письма близкие, и есть — издалека.
Есть письма-хищники: внушают нам поступки.
А есть и бабочки: полупрозрачны, хрупки.
Мое — крапивница: оставь его пока.

Жена приблизилась с бутылкой молока,
Подставит милому приветливые губки,
Разложит по́ столу нехитрые покупки:
— «Ну, вот, и дожили до первого снежка!»

Письмо завалится: мой хоботок бессилен.
Не поколеблется, ничуть не побразилен,
Твой мир устойчивый. За тусклый перевод,

Ворча, ты примешься — за нудную мороку.
И будет до́ ночи производить завод,
Рифмуя каторжно: поспеть-то надо к сроку!

19 ноября 1972 г.

«ВОПРЕКИ ВСЕМУ»

«Мне мил поэт искусством образцовым,
Люблю его — но *вопреки всему*».
Ах, юноша! Какую кутерьму
Ты возбудил неосторожным словом!

Ведь я давно не радуюсь обновам,
Пытливости, проворному уму,
Но головы теперь не подниму
В моем венке сонетном и терновом.

Снаружи блеск и пурпур, а внутри —
То самое. Открой и посмотри:
Созревший плод не вынесет отсрочки.

Не сердце ли в тюрьме своей тупой
Бьет по стене, по серой оболочке?
Сожги ядро. Утешься скорлупой.

22 ноября 1972 г.

ВРЕМЕНА

Была любовь, но прошлое мертво:
Теперь я рад безболью и бескрылью.
А ты крылат сегодняшней былью:
Супружество, отцовство, сыновство.

Лишь изредка из гроба моего
Стихи — настой бессмертника — я вылью,
И встретится живое тело с пылью, —
Два времени глагола одного.

«Люблю — любил»: как мало для беседы!
Но поздние литературоведы
Разворошат засохшую траву —

И нам двоим, два века переплетшим,
Определив совместную главу,
Прошедшее сомкнут с давнопрошедшим!

24 ноября 1972 г.

ИСЦЕЛЕНИЕ

Я замирал от выдуманной страсти,
От нежности собою не владел,
И колокол в крови моей гудел —
Набат любви и благовест напасти.

И вновь ничьей не подчинен я власти:
Утих ли зной, туман ли поредел?
Или туза я не доразглядел
И сослепу в его ошибся масти?

Сойдем же в мир похвальнейших забот,
Бессмысленный забудем эпизод:
Нет времени для вздорных эпизодов!

Я исцелен, и, к счастью, ты здоров:
Так стоит ли у платных переводов
Открадывать крупинки вечеров?

4 декабря 1972 г.

АЛКИВИАД

Мы улеглись, широкий плащ раскинув
Палаткою над общей наготой.
Целуй меня, сближенья удостой,
Презрительно застенчивость отринув.

Всего себя под ласки пододвинув,
Я погашу светильник золотой,
А ты, моей упившись красотой,
Мне расскажи о страсти андрогинов.

— Что, юноша? Большого знания честь
За тленный прах ты вздумал приобрести?
Расчетливость поистине забавна,

Но не смешон, не слеп Алкивиад,
Курносого лысеющего фавна
В любовники избравший невпопад!

8 декабря 1972 г.

ДОСТОЙНОМУ

Сегодня я — Борей седобородый,
И не во сне, а будто наяву
То кашляю на зябкую Москву
По-старчески, брюзгливой непогодой,

То, поощрен губительной свободой,
Рву с тополей засохшую листву,
То, как медведь разбуженный, реву —
Встав на дыбы, гремлю полярной одой.

А может-быть, не снежным стариком
Прийти к тебе, а южным ветерком
Из золотой Бразилии — отсюда,

Чтоб над тобой как не бывало зим?
Верь, юноша, и стань приёмник чуда:
Державиным ты тоже одержим!

10 декабря 1972 г.

СТАТУЯ

Доведена задача до конца:
Стремительным, надменным, крутолонным
Ты выступил дельфийским Аполлоном
Из мрамора на страстный зов резца.

Вокруг тебя плененные сердца
Затеплены соцветием влюбленным:
Осанкою и взором отдаленным
Любуюсь я — и мышцами борца.

Божественный, прекрасен ты, но ровен
И холоден, — заманчив, но бескровен:
Для вечности засушенный цветок.

Нет, будь и ты клеймен моим увечьем!
И я, схватив тяжелый молоток,
Бью статую по бедрам, по предплечьям.

18 декабря 1972 г.

БЕССМЕРТИЕ

Удел самца — плодливая жена
И сыновья, и дочери, и внуки,
Чтоб в их лице зубрить азы и буки,
Сопеть, пыхтеть и путать времена.

Но станет ли пускаться в семена
Молитвенник, подвижник, муж науки
Или поэт, чья в паузы и звуки
Боль тайная стихом обращена?

Они судьбой и милостью Господней
Избавлены от девственниц и сводней —
И Лермонтов, и Марлоу, и Верлен.

Бездомные, ведут свои квадриги
Вдоль сомкнутых зимоупорных стен
Бунтовщики, скопцы, недорасстриги.

25 декабря 1972 г.

ПЕРЕЖИВИ

Хотел бы я заплесневелый дом —
Твое гнездо — разбить тупым тараном
И сумрачным владыкой и тираном
Стать над тобой, поверженным рабом,

Дождем камней пролиться на Содом,
Забушевать прорвавшимся вулканом!
Каким тогда, беспечный Геркуланум,
Ты, кружевной, прикрылся бы щитом?

А может-быть, в коротком разговоре,
Как метеор, я, сам себе на горе,
Исчерпал бы накал моей любви?

Так пусть растет сонетная лавина,
Расти и ты, и в ней переживи
Меня, себя и собственного сына!

22 января 1973 г.

СОБЛАЗН

Скопцы суровые и шалые кликуши
Мне заповедали бежать от естества: —
Гнушаясь похотью, душа твоя жива,
Забудь же девушек, молись, не бей баклуши!

Зачем же двойками у нас глаза и уши
И двойкой легкие, и двойкой рукава?
Без бреда левого и правда неправа,
А реки вделаны в двойные рамки суши.

Но мне прискучило перчатки примерять,
Одной расхвастаться, другую потерять:
Ведь нераздельности никто не обеспечит!

И, в подтверждение словам учителей,
Вершины горные играют в чет и нечет,
А море тешится небрачностью своей.

24 января 1973 г.

ПРИ ПОСЫЛКЕ «ЗВЕНА»

Давно ли я лукавил и картавил,
С глаголами рифмуя имена?
А нынче грудь таким огнем полна,
Что мне совсем не до холодных правил!

В сыром углу металл без дела ржавел,
Теперь он — цепь, докована она,
И мы в цепи — два смежные звена:
Я лучшие в них зерна переплавил.

Два ровные, два цепкие кружка,
Мы выдержим и версты, и века:
Мне равен ты, и я тебе подобен.

Так не зови меня опекуном:
Ведь ты и сам силен, дееспособен.
Запомни цепь. Забудь об остальном.

27 января 1973 г.

НАРЦИСС

Дунай и Ганг, и Волга, и Миссури
Заносятся то пылью, то песком,
Но знатные — безвестным ручейком,
Судьбой моей — пренебрегают бури.

Мой вечный день — в лучистом Кохинуре
Свет и цвета, но, к зеркалу влеком,
В него гляжусь изнеженным цветком,
Избранником удвоенной лазури.

Я и ручей, ручей и снова я —
Предтеча ли, преемник ли ручья?
Лишь изредка серебряная рыбка

Плеснет в моей прозрачной глубине,
И чья-то в ней зазыблется улыбка,
Не от меня даруемая мне.

4 февраля 1973 г.

ЧИТАЯ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

Юрию Иваску

В моей судьбе — монашески-мирской —
Два сильные соперничают хора:
Девический под куполом собора
И к веществу прикованный мужской.

В одном — просвет в разубранный покой,
Где нектаром наполнена амфора,
Смолистая — в другом — дремучесть бора
И оползни, и страстный гул морской.

То веянье бесплотное прохлады,
То нагота и смуглота Эллады, —
На полпути двузначный антифон,

Мир столпников и бешенство желаний,
Платонов пир и подвиг слишком ранний —
Извечные Аюины и Аюон!

4 февраля 1973 г.

УЛОВ

Мы, рыбаки в родном Генисарете,
Плывем на лов, и с левой стороны
Домашние огни отражены:
Забыть не смей о повседневном свете!

Там домик мой. Давно заснули дети
Близ матери — земной моей жены.
Вернемся мы домой, пристыжены,
Связав узлом обманутые сети.

Но между нас — виденье или плоть? —
Явился наш учитель и Господь
И повелел, войдя в мужское братство:

— Направо сеть закиньте, рыбари!
И в неводе серебристое богатство:
Огромных рыб сто пятьдесят и три.

6 февраля 1973 г.

КОНЕЦ БОЯ

Не тряпкою, а пыльною соломой,
Каким-нибудь случайным барахлом
Я в панцире заделаю пролом
И выстою — с последнею истомой —

Хоть полчаса. И, на щите несомый,
Покину прах: загнил? И поделом!
И обернусь тропическим теплом
И шелестом, и лаской невесомой.

А вдалеке, за письменным столом,
Взволнованный словесным ремеслом,
Ты ветерок почувешь незнакомый —

Соль от волны, разбуженной веслом,
Полуплотом близ гавани искомой,
И нехотя вздохнешь о небылом.

3 марта 1973 г.

GOOD-BYE!

От ранней юности я выбрал в образцы
Андрея Критского, святого Хрисостома,
Ефрема Сирина... Ужель не лучше дома
И бранных радостей подобные венцы?

Смирennemудрые простые чернецы
(Лохмотья ветхие, а для спанья — солома),
Скопцы, молчальники, а после перелома —
Вероучители, вселенские отцы.

Но те же нищие: ни лепты, ни обола,
И патриаршего не нужно им престола.
А ты, заделавшись — для сына и родни —

Стихослагателем то русским, то английским,
Сумей возвыситься и стань к концу возни
Архиепископом — увы, кентерберийским!

7 марта 1973 г.

РОЖДЕНИЕ ДУХА

Шарахаться от нежности мужчин
Завещано заманчивым невестам
И охлаждать презрительным асбестом
Их похоти настойчивый зачин.

А юноша? Он хочет быть один
И не порхать по гульбищам и фьестам,
И не его назвал когда-то тестом
Погибели блаженный Августин.

Один — одна — из многих сотен тысяч
Иной огонь в себе сумеют высечь
И, выхолив заботливо в тиши

Ту искорку бесполого рожденья,
Тот эликсир, отстой своей души,
Переживут позор уничтоженья.

16 марта 1973 г.

БЛИЗНЕЦЫ

Один костяк с узором сухожилий —
В мир замкнутый мы вместе рождены.
Одна душа и память нам даны
Вместилищем для небылей и былей.

Ты тянешься к венку саронских лилий, —
Я тоже пьян от яркой белизны.
Ты пятишься от черной крутизны —
Иду и я, не делая усилий.

Так некогда Пьеро и Арлекин?
Но нет и нет: я-ты, ты-я один
Живу-живешь, не видя и не зная

Ни родичей, ни сверстниц, ни врагов.
Не так же ли хранит звезда двойная
В себе самой предел своих кругов?

23 марта 1973 г.

ПАН

«Флейта нежного Ваюилла».

М. Кузмин

Двадцатый век. Но славимый Москвою
Гиперборей — не тот же ли Ваюилл?
Он улицы столицы разбудил
Протяжную сафической строфою.

— «Эй, мальчуган! Я дар тебе удвою!» —
Воскликнул Пан, известный педофил,
И отрока посулом заманил
В шатер сквозной, на бархатную хвою.

«До, ре, ми, фа...» Круглятся верхним «до»
Точеные газеллы и рондо:
Античное искусство не забыто,

Но бог лесов и к новому привык,
И топает обутое копыто
В такт музыке — и прорастает клык.

31 марта 1973 г.

В РАЮ

*«И будет мужское, как женское, и не
будет ни мужского, ни женского».
Незаписанное слово Господне.*

Суд возвешен с высокого амвона,
И вот у нас на лучшей из планет
Ни мужества, ни женственности нет,
Ни похоти — тлетворного закона.

И в голосах ни густоты, ни звона:
Лишенные заведомых примет,
Колышутся с вопросом и в ответ
Бесполые двусмысленные лона.

Одно из них, теперь гермафродит,
Напыжится и книжечку родит —
С факсимиле, но лучше без портрета.

Недавний я к любимому вдвойне
Приблизится — и будет книга эта
Надписана и «Жене» и «Жене».

4 апреля 1973 г.

БОЛЬНОМУ

На тетушке твоей я должен был жениться,
Чтоб и тебе теперь не числиться чужим.
Увы, от брачных уз мы смолodu бежим:
Нам Геба дорога, нам Афродита снится!

Прости же мой просчет. Бастилия-больница
Незыблемо блюдет болезненный режим.
Ты бледен, изможден и головокружим,
И близкая толпа вокруг тебя теснится.

Не дядя, не отец, по-дальнему любя,
Я очень далеко — но около тебя:
Твой жар и бред, и пот, — я их приму на веру,

Себе на рамена и на стихи взвалю.
Потом, качаясь в такт печальному размеру,
Всею верностью моей я тоже заболю.

5 мая 1973 г.

ЖЕЛАННАЯ ВСТРЕЧА

Надломленный — но цельный и бесщельный,
Оправданный — но раб неправоты,
Соцветие предельной простоты,
Симфония запевки колыбельной,

Рассудочно скрываю бред похмельный,
Пишу на «Вы», а думаю на «ты»
И, не пройдя до ночи ни версты,
Ропщу на путь неровный и бесцельный.

Зачем шагать? Одно я знаю лишь:
В Бразилии меня ты посетишь,
Заговоришь о новой книжной моде,

Но и тогда, крылатый, не взлечу.
Отчаявшись, ты спросишь о погоде...
«Да ничего», — я тупо промычу.

29 мая 1973 г.

БРАЗИЛЬСКИЙ АРИЭЛЬ

Антонио Азеведо

Меж кабанов — лохматых Калибанов
И самок их — свиной-Калибанесс
Я двадцать лет не вспоминал чудес,
Бесцельных жертв, увертливых обманов.

Не восставал из дымных океанов
Дэдалов сын: над духом правил вес;
Я не просил прозрений у небес,
А с неба ждал лишь молний да туманов.

Мгла разошлась — и всё наоборот:
Взошел Икар, безус и безбород,
Чужд робости и взрослым колебаниям.

Деля со мной волшебную свирель,
Свинарникам приносит калибаным
Слова небес бразильский Ариэль.

30 мая 1973 г.

В БРАЗИЛИИ

Сменился март задумчивым апрелем,
А под окном уж несколько недель
Полемику бразильский Ариэль
Ведет с другим — заморским Ариэлем.

Столкуйтесь же! Мы комнату разделим:
Стол письменный, пустую колыбель
(Племянницы), и каждому постель,
Хоть на полу, но как-нибудь постелим.

Черноволос один и белолиц,
И молнии летят из-под ресниц,
И речь его — как зовы арапонги.

Зато другой обоих нас корит
За смутные назальные трифтонги
И попросту — по-русски — говорит.

30 мая 1973 г.

НЕЗРИМОМУ

Рост рыцаря (он — сто и девяносто,
Значительный по уровню Москвы),
Глаза — густой славянской синевы,
Но что из глаз я вылеплю и роста?

Овеществовать незримого не просто:
Взять для волос осенний цвет травы?
Для плеч — изгиб тяжелой ендовы?
Для голоса — истому Алконоста?

Всё собрано! И все-таки пятно
Расплывчато и жизни лишено,
И, мертвое, меняет очертанья:

Музейная личина безо рта
Изъедена проказой расстоянья,
И вместо глаз — прорезы, пустота.

1 июня 1973 г.

СОВПАДЕНИЯ

Антонио Азеведо

Я падаю в прогибы сновидений
В ту Падую, где дальний родич твой,
Антонио — прославленный святой —
Размахивал громами обличений.

Сон или бред — питомник совпадений:
Мы пленены суровой простотой,
Но восхищен палитрой звуковой
И полугрек, полуараб Девгений.

Нас умилил монашеский устав,
Но к вечеру, от святости устав,
Уйдем и мы, чтоб, ноги разминая,

Внизу спросить козленка и вина:
С Евгением на склоне Евгения
Латынь ли нам крылатая нужна?

9 июня 1973 г.

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

Ты Ариэль. Щита тебе не надо
И панцыря. Незыблем твой покой.
В единый миг бесплотною рукой
Закрещена малейшая досада.

От беглого презрительного взгляда
Уйдет яга с напрасною клюкой,
Бежит кашей с лесной его тоской,
Не расшатав устойчивого лада.

Но все-таки — я доменная печь
И полымем хотел тебя увлечь:
Ведь некогда и уголь был прохладным —

И каменным. Таким я был досель.
Не будь и ты асбестово-злорадным
И не гордись: я тоже Ариэль!

17 июня 1973 г.

СНЫ

Свое пальто давно уж износив,
Ты вечною кичишься новизною
И снишься мне... Но дело не за мною:
Сны лучшие запишем ли в пассив?

Из Кузмина изысканный курсив,
Поставлен ты над прозою сплошною:
Во снах моих подобен Антиною,
А по словам соседей — некрасив

Нет, я не сплю, но в сонные ресницы
Заплетены несмытые частицы,
Враждебные рассудочному дню.

От суеты я исподволь ослепну
И музыки в ушах не сохраняю,
Но будет ночь — и снова я окрепну.

18 июня 1973 г.

ПИСЬМО ИЗДАЛЕКА

Вселенная покорна царской воле,
Но на каком догонит он коне
Красавицу, мелькнувшую во сне —
Ее бровей взлетающие моли —

И убежит от ревности и боли
Тот государь — со мною наравне?
Ведь юноши, приснившегося мне,
Я не нашел в моей недоброй доле.

И все-таки я вылечен тоской
И вознесен любовью такой —
Блаженнейшей — над пропастью тройною —

Верст, лет, судьбы. Какой на свете сон
Опустится влюбленную волною
К ногам того, кому приснился он?

29 июня 1973 г.

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СОНЕТОВ КАМОЭНСА

Своих трудов плоды тебе отдав,
Добавил пять простосердечных строчек
Прославленных поэтов переводчик,
Соперник их и соучастник слав.

Предательством обиженному — штраф
Плати ценой повязок и примочек:
Ведь нежный том, без долгих проволочек,
Ты отдал мне, от сердца оторвав!

С Камоэнсом я выхожу в походы,
Обследую таинственные воды:
Весь маленький — тогда огромный — шар.

Растроганный, пребуду наготове
Тебе послать и мой ничтожный дар
Рифмованный, но с капельками крови!

2 июля 1973 г.

МЕРЫ

От месяца трехлетний твой Вадим
Неясного не отличает года:
Была и нам дарована свобода
От времени, и мы щедрили им.

Зато теперь и нам, и всем другим
Жить велено по сдвигам небосвода:
Не веря им, в дремотный час восхода
Мы на часы сначала поглядим.

Но человек времен Маәусаила
Для времени иные знал мерил:
Твой год и мой — ему десяток лет.

По мере той и нам досталась мука:
Двух лет еще с небывшей встречи нет,
А двадцать лет уж тянется разлука!

3 июля 1973 г.

ПРИЗЫВ

Встань, юноша, и поведи плечом,
Разделайся с двухлетней осадой,
С назойливой сонетной канонадой,
И проучи их автора бичом.

По-старому пронзи его мечом
И не спеши с опасною пощадой:
Свою жену решимостью порадуй,
Будь рыцарем — и собственным врачом!

А может-быть, мудрей и современной
Не начинать рискованных сражений?
Так вызови обидчика на бокс.

Без этого — ты не кулак, а вата,
Сопляк, тюфяк — такой же парадокс,
Как женщина, которая жената!

5 июля 1973 г.

ПОДДАВКИ

Я не хочу и вспоминать о плаче
И радостно твержу: — «Я твой, я твой».
Прими сигнал, усиль его, удвой,
Порадуйся моей самоотдаче.

Ты мог бы стать на целый мир богаче,
Но с молнийной волною круговой
Летит ответ: «Подтверждено Москвой:
Я твой, я твой». (Могло ли быть иначе?)

Чье сердце, чей золотиносный пласт
Себя полней вскопает и отдаст —
До рукавиц, до шапки, до рубашки,

До крестика, до гробовой доски?
Когда-нибудь мы встретимся и в шашки
Превесело сыграем в поддавки.

5 июля 1973 г.

КРЕСТ

Ты по годам мой сын Вениамин:
Мне шестьдесят, а ты моложе вдвое,
Но золото смирилось вихревое
Перед золой серебряных седин.

Злораднее не рытвины морщин,
Что зеркало заполнили кривое,
А прочное различье бытовое:
Бродяга я, ты — добрый семьянин.

И все-таки в разрозненности нашей
Мы сближены невидимою чашей:
Пусть мой к тебе несбыточен приезд

И милый сон ослал немилой ложью,
Мы и на нем любовно ставим крест,
Чтоб выполнить хоть этим волю Божию!

18 июля 1973 г.

ЗАБЛУДШЕМУ

Вступление к очередной неделе —
Воскресные ватрушки с творогом,
Чтоб не одним воздушным пирогом
Заблудшие питались Ариэли.

Что ж, на земле и мы когда-то ели
Баранину с поджаренным лучком,
Любили хрен и кофе с коньячком,
И шоколад — и медленно тучнели.

Бесплотные, мы посланы теперь
Твою взломать приземистую дверь,
Дохнуть пургой, взреветь упреком лютым...

Но за столом жена и сын Вадим,
И, гречневым растроганы уютом,
Тебе опять отсрочку мы дадим!

20 июля 1973 г.

ВРАЧ

Я в порошок целебный растирал
Твою любовь: он помогал от сплина,
Как добрая таблетка аспирина,
Как ласковый бразильский «мельорал».

Для волшебства не надобен коралл,
Моржовый ус или глазок павлина:
Вот разошлась последняя морщина, —
Но под конец я пуще захворал.

Омоложен чудеснейшим лекарством,
Забредил я заветным полуцарством,
Давным-давно забывшейся игрой,

Потребовал земных великолепий,
Снов радужных... Так нынче, мой Асклепий,
Лечи меня от юности второй!

21 июля 1973 г.

ПЯТНО

Настоянный на почках и цвету,
Броди, мой сон, и в огненном настое
Соедини святое и простое:
Полеты в рай и встречи на мосту.

Я трезвенник, но жжение во рту —
Рожок, сигнал о срыве, о запое.
Я девственник, но в стройном Антиное
Боготворю не только красоту.

Об этом ли мечтать в такие лета?
И все-таки на скатерти сонета
Вдруг розою разбредится пятно,

И юноша, приподнимая брови,
Посыплет соль на мнимое вино —
На капельку неукрощенной крови!

27 июля 1973 г.

ГОЛУБИНАЯ ПОЧТА

Ночь близится, но все-таки светло
От радости — от почты голубиной:
Посыльный мой, устав с дороги длинной,
Вокруг зерна ступает тяжело.

И завтра я другому под крыло
Запрячу груз, виновный и невинный,
А ты сиди и поджидай в гостиной,
Что клюв его царапнет о стекло.

Открой ему: он прилетел с ответом,
С признаньями, с очередным сонетом,
Со вздохами. Читай и торжествуй,

Что дальностью ты защищен от боли
И в сотый раз незванный поцелуй
Останется воздушным поневоле.

29 июля 1973 г.

ЧЕРНОКНИЖНИКИ

Над крышами палаццо и церквей
Лежала ночь великопостным платом,
Когда пришел с расстригою-аббатом
И мальчиком Челлини в Колизей.

Нагрянули все полчища чертей,
Подвластные забористым цитатам,
Но будет ли иссопом и набатом
В ад возвращен распутный Асмодей?

Пятнадцать лет во мне дремали черти,
Но не дал ты до недалекой смерти
Им продремать в сожительстве со мной.

Ты не силён, увы, в своей науке:
То крестишься, то прячешь за спиной
Назойливо целуемые руки!

4 августа 1973 г.

СОНЕТ СОБАЧИЙ

Когда мой пес под кличкою «Обжора»
(Безжалостный хозяйский произвол!)
Был нездоров, его я произвел
В гомункулы, и стал он просто «Жора».

Освобожден от цепи и дозора,
Он раздобрел, отъелся и расцвел,
И в нем себе я брата приобрел
Для каждого ночного разговора.

Мы верностью по-разному горим,
Но лишь о ней подолгу говорим —
Лизаньем рук, акростихом, терциной.

К его глазам и ласкам я привык,
Но должен ли я сам запахнуть псиной,
Чтоб, наконец, ты понял мой язык?

9 августа 1973 г.

В РАЗЛУКЕ

И-Ъ-сань-цю — одна ночь (в разлуке тянется, как) три осени. Китайская поговорка. В конце сонета перевертываю ее: «Три осени (пролетают, как) одна ночь».

И-Ъ-сань-цю. Одна лишь ночь в разлуке —
Три осени. Их длительность равна.
Так для чего затейница весна
Подснежники мне всовывает в руки?

Не отпущу я сердца на поруки,
Пусть мается и стонет дотемна:
Сквозь лепестки мне изморозь видна,
И гам дроздов не разгоняет скуки.

Но разве ночь — одна? Скажи честней,
Что каждая — по девяносто дней.
Но встретимся — и боль переоценим:

Мы плакали — слагалось житие,
Но вечностям положено осенним,
Как та же ночь, мелькать. Сань-цю-и-Ъ.

12 августа 1973 г.

САМАРЯНИН

Уже темно. Теперь не жди пощады:
За той скалой, где непроглядна мгла
И где твоя дорога пролегла,
Разбойники живут и конокрады.

Чужим добром полакомиться рады,
Там нападут они из-за угла:
Блеснет луна, и зоркая стрела
Тебя найдет и ранит из засады.

Тогда и я сумел бы сделать вид,
Как сделали священник и левит,
Что я чужой. Чужих мы не жалеем:

Попал в беду, так пропадай один!
А я с вином приближусь и елею,
Уже не брат, еще самарянин.

21 августа 1973 г.

В ОДНОМ ЛИЦЕ

Не уходи! Сжигая и знобя,
Мутит меня сцепленье лихорадок,
И сам себе я даже тем не гадок,
Что исколю, искровеню, любя,

Что, волосы и пальцы теребя,
Сквозь боль твою увижу взлеты радуг.
Зато потом и я приду в упадок
И попрошу отплаты у тебя:

Доверившись твоей двоякой воле,
Не столько же — я больше выпью боли,
А ты свой крик возобновишь в моем,

И свой позор — в исполненных приказах.
Не уходи! Гори двойным огнем —
В одном лице де-Сад и Захер-Мазох!

27 августа 1973 г.

ЩЕНОК

Вчера щенок — веселый «боксер» Рэй
(По имени известного боксера) —
Гостил у нас. Освоился — и скоро
Спал на руках у матери моей.

Так пролетел один из добрых дней:
До вечера чернила шелкопера
Я забывал для тряпки полотера,
И гостю вслед смотрел я из дверей.

В согласии с оптическим законом,
Он сделался сначала эмбрионом,
Кузнечиком, а после — запятой.

Расти и ты назад, опережая
Минувшее: жена — еще чужая,
Ты юноша (и снова холостой).

4 сентября 1973 г.

БЕЗУМИЕ

О, как я рад, что выжил из ума
И выпал в мир превратных представлений,
Где нет ни мер, ни сроков, ни давлений,
Где в тот же день и лето, и зима!

Я захожу в московские дома
(Встречаюсь там и с вымышленным Женей):
Невидимых избегнут ли вторжений
Эскориал, Кааба, Колыма?

Вслед за восьмым числом назначу третье,
А за шестым — двадцатое столетие,
Из Пестума в Канберру прилечу.

Вне времени и шире, чем широты,
Обратно в ум вживаться не хочу —
В бессилие, в бесславные заботы.

6 сентября 1973 г.

СОБИРАТЕЛЮ ПИСЕМ

Тебе писал я то о Сведенборге,
То о святом Хуане де ла Крус,
То, иногда, как добрый Иисус,
Оправдывал гонимого Георге.

Едесский князь в таком же был восторге
И в руки брал дарованный убрус,
Глаголющий из-под камней и бус
О том, что жизнь и в муке есть, и в морге.

Ты исцелен. И потому пора
Автографам присвоить номера:
Как бабочек, их разложи по датам —

И приколи к дощечкам, наконец.
И все-таки: каким я стал богатым,
Отдав тебе полтысячи сердец!

7 сентября 1973 г.

НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Смирился я (пусть молча, но крича),
Стерпи и ты обиду поражений
И, не стыдясь просительных движений,
Хоть полчаса урви у палача.

Иначе он расправится сплеча
С надеждою мечтаемых сближений,
И жертвою для новых всесожжений
Тебя снесут к подножью Ильича.

Льва мертвого и пес живой блаженной,
Так лучше лги, не бойся унижений,
Прикрой себя обрывком кумача.

Не просит Бог безумных одолжений
И ведаёт, что, образа топча,
Ты все-таки не сделаешься Лженей!

10 сентября 1973 г.

ОТРЕЧЕНИЕ

Я перережу их: довольно им кичиться,
Распространителям неволи — неводам,
И клетку распилю, чтоб не томила там,
Зерном завлечена, доверчивая птица.

Пусть рыба множится и по рекам резвится,
А не разводится на гибель по прудам,
И пусть не маются по гордым городам
Ни яркий попугай, ни скромная синица.

Во имя вольности сонеты изорву,
Чтоб ни заклетьями, ни снами наяву
Тебя не зазывать в такой же погреб узкий.

Самоотверженно язык забуду русский:
Едва ли до тебя я дотянусь тайком
Бразильской музыкой и южным ветерком?

14 сентября 1973 г.

ЮНОША В ПОРТУ

Предательски порочной поволокой
Усталые глаза обведены,
Но все-таки довременные сны
Удержаны над пропастью глубокой.

Ты завистью одушевлен и склокой:
В изгибе губ лукавой кривизны —
Недобрый смех; улыбки не даны
Незрелости твоей розовощекой.

Ты говоришь «галёра» и «на ять»
И, верняком, не сможешь устоять
Ни пред одним посулом трехреублевым.

Заговорил потом я о стихах,
И ты расцвел: в нездешних облаках
Артур Рембо, написанный Рублевым!

Иссанжо, 14 октября 1973 г.

БОЛЕМЕР

Что ж, улетай! Стихи мои — не сети:
Удержат ли могучего орла?
Живи, как все. Не грезы, а дела
Укладывай в запасливые клетки.

Ты не один. С тобой жена и дети:
Для них пребудь источником тепла.
А у меня печаль почти прошла, —
Как жизнь моя, истлела на две трети.

Ты в теплый мир уверенно вошел,
А я клонюсь в нетопленный шеол
Бескрасочный, бессрочный и безгласный.

Когда и ты увидишь те поля,
Мы встретимся, но, сонный и бесстрастный,
Мой болемер не стронется с нуля!

Иссанжо, 18 октября 1973 г.

КОРОЛЬ

Норвежского я видел короля:
Он проходил под красно-синим флагом —
Подобный нам, но с тем бесспорным благом,
Что под ногой везде его земля.

Здесь чуждые пригорки и поля,
Но и по ним прошел он гордым шагом,
Хоть не дано звенеть полярным сагам,
Праправнука героев веселя.

В Манагуа, в Монровии, в Париже
Хранит монарх законы, но свои же:
Лед севера и в Лиме не забыт.

Вот так и ты в московский мир печальный
Вноси с собой потусторонний быт —
Вневременной, экстерриториальный!

7 ноября 1973 г.

ЮНОМУ ПОЭТУ

Избраннице своей сулишь ты замок,
Хрусталь, фарфор, безделье и уют:
Ведь соловьи кричат, а не поют,
И розы им не заменяют самок.

Не лжешь и ты. Во сне не видно лямок:
Там не пекут, не жарят и не шьют, —
Детишки там смеются и спуют,
Дурачатся и дразнят старых мамок.

И для себя — не девушке на суд —
Ты кое-как рифмуешь первый зуд,
Дань юности, томленью, полнокровью.

Но так же я, оглядчивый старик,
Вдогонку снам, бурленью и здоровью
Ямбический оттачиваю крик!

26 ноября 1973 г.

НЕДОСМОТР

Прозаики на небе жизнь мою
Задумали: карьеру правоведа,
Сановника (и, может-быть, полпреда,
Хоть я таких чинов не признаю).

Внесли жену в программу и семью,
Чтоб я пошел путем отца и деда,
Но с юных лет, чудак и непоседа,
Не к быту я тянусь, а к бытию.

Наверное, читая повесть эту,
Где happy end — награда непоэту,
Не стал бы я просить иных наград.

Но загулял печатник — и на горе
Испорчен спуск то рифмой невпопад,
То кляксою, то пропуском в наборе!

26 ноября 1973 г.

СКОПИДОМ

Не верь стихам, сомнительному свитку,
Опасному для мудрой нелюбви:
Оценщиков надежных позови,
Чтоб за сонет не заплатить по слитку.

Возьми назад обещанную скидку,
Будь начеку — и не продешеви:
Аукцион скорей останови,
Гони купцов и запирай калитку.

Не для того, примерный скопидом,
Нос, рот, глаза ты наживал с трудом,
Чтоб, разомлев, легко развесить уши!

Отстранена — и предупреждена,
Что ты и с ней намерен быть посуше,
Не первой ли была твоя жена?

1 декабря 1973 г.

ДЕРЕВО

Я слушаю то шорохи, то шумы
И листьями, и порами коры:
Кровавые расправы и пиры,
Мурлыканье насытившейся пумы.

Сюда, под кров могучей сумаумы
Почтительно влекут свои шатры
Бегущие от гроз и от жары
Индейские Чингисы и Кучумы.

Пришел и ты — не за моим добром:
За мной самим — с тяжелым топором,
Ударил раз и два, и три — впускаю.

Ударь еще, и я захохочу,
Чтоб истину сказать тебе простую,
Что дерево ты взял не по плечу!

5 декабря 1973 г.

НА ЭТОТ РАЗ

Вы от меня за тридевять земель,
За тридцать лет — в унылом полуміре,
Где дважды два безжалостно четыре,
Где сдавлены и дух и бред, и хмель.

Ну, каково, заблудший Ариэль,
Искать жары тропической в Сибири,
О солнце петь в бессолнечном надире,
Петь и срывать простуженную трель?

Один из нас на дальний зов не вышел,
А может-быть, и зова не расслышал
За данностью — за ливнем, за пургой.

Что ж? Близнецам достанет слез и суши,
Чтоб разошлись тождественные души:
На этот раз прощайте, дорогой!

23 декабря 1973 г.

ВУРДАЛАК

Ты исхудал. Костяк уже сквозит,
Обтянутый полупрозрачной кожей,
А вурдалак, с твоим любимым схожий,
Тебе грозит: целует и грозит.

Откуда он, предатель, паразит?
Угодников проси у их подножий:
Пусть прилетит на помощь ангел Божий
И хищника прещеньем поразит!

Худел и я, терял остатки силы,
Лежал пластом на дне моей могилы:
Давным-давно кормил бы я червей,

В чистилище сошел бы робкой тенью,
Но помешал ты юностью своей
Мне задремать и уступить забвенью!

3 января 1974 г.

БУКВАРЬ

— «Пе-а-пе-а» — конечно, это папа!
«Дс-о-эм» — дом, наш дом (при доме сад!) —
Ребенок рад. И за него я рад:
Пусть поживет без хамства, без нахрапа.

Кто избежит «пе-эр-и-а» — Приапа
И призрачных «эн-а-ге-эр» — наград?
Дождется он и клички «казнокрад»,
И «бе-эл-я», и карточного крапа.

Доверившись вторично букварю,
На дом и сад, и папу я смотрю,
Мой дом и сад, и папу воскрешая,

Бесцельный бег по новым городам,
И, с будущим ушедшее мешая,
Свою судьбу читаю по складам!

8 января 1974 г.

СОВЕСТЬ

Снаружи я... Такими пруд пруди.
Нос? Далеко до носа Бержерака.
Крикливый нрав? Но лишь начнется драка,
Я ни за что не встану впереди.

Снаружи я... Зато в моей груди —
Смесь похоти и ярости, и мрака,
И жупела — и жажда вурдалака
(Официант, ко мне не подходи).

Но право же: подменены мундиры,
Поэтами обряжены вампиры,
И я тому последний пример.

Ваятель, в ад не бегай за примером,
По совести моей лепи химер:
Я по живым слепил ее химерам!

8 января 1974 г.

ДУХ — ДУХУ

Я красоту сберег и чистоту
Нездешнюю. Я дух, и неужели
Я не был им на вздыбленной постели,
В приливе сил, в отливе и в поту?

Рот припадал к настойчивому рту,
Бледнели лбы и груди розовели:
Последних тайн искало тело в теле,
И медлил миг, подбитый налету.

Я чистый дух — наперекор клоакам,
А ты сильнее: отмечен тем же знаком,
Ты держишься на суше, высоко.

Что ты женат — невелика утрата:
Для родины ты отrostишь солдата,
А для себя — почтенное брюшко.

10 января 1974 г.

НАЗОРЕЙ

(I)

Своих волос до срока не стриги,
Не пей вина, не познавай Далилы
И нагнетай обузданные силы,
Пока кругом злорадствуют враги.

Зато потом восстань и возмоги:
Когда твои огнем нальются жилы,
Льва насади на пахарские вилы,
Языческий отряд подстереги!

Так, двадцать лет незримо созревая,
Умножилась и мощь моя живая —
Не в волосах (что славы в парике?)

И не в посте (и он давно без власти),
Чтоб вышел я сразиться налегке
Бурленьем снов и мужества, и страсти!

10 января 1974 г.

НАЗОРЕЙ

(II)

На сорок дней, а то и на полгода
Дает зарок мужчина холостой
Не осквернять блудливостью пустой
Для вечности надетого эфода.

И как потом оценится свобода,
Как забурлит удержанный настой:
Пусть молния заблещет красотой,
Где больше нет сетей громоотвода!

Поэт, и ты такой же назорей:
Будь постником, в молчаньи разогрей
Дар Господа, сдержи себя на время.

Соскучится любовница твоя
И, нежная, тугое примет семя,
И лучшие родятся сыновья.

11 января 1974 г.

ЛЮБИМОСТЬ

Ты здоровяк: ни шрамов, ни увечий,
Ни волдырей, ни сыпи, ни корост:
Ты сознаешь и свой огромный рост,
И сильных рук размах широкоплечий.

Без промахов и без противоречий
Ты ясноглаз, общителен и прост:
В поэзии на правый аванпост
Поставлен ты — грядущего предтечей.

И я с тобой: ревниво сохраняю
И в дождь, и в снег, и ласково к огню
Твое пальто и кресло пододвину.

Нет, я далек — один с моей тоской,
Хотел бы я хотя бы половину
Почувствовать любви такой!

13 января 1974 г.

МАЛЕНЬКОМУ ВАДИМУ

Сегодня ты маршировал по струнке,
Хотя рожден художником, Вадим
Евгеньевич, а мы тебе дадим
Похвальный лист за чудные рисунки.

Что это здесь? — Крестьяне ждут чугунки:
В дорогу им уютюг необходим.
— А здесь? — Бильярд, и прямо перед ним —
Помещики, играющие в лунки.

Вот пьяница: он оступился в грязь.
А вот медведь: за что-то разъярясь,
Он с дерева оленя лупит лапой. —

Расти, Вадим! Ты мне почти родня:
Когда потом и сам ты будешь папой,
Твой сын издаст рассказы про меня.

13 января 1974 г.

ПОЭТ-ЛАУРЕАТ

В иных мирах ты мною был любим,
Но ты теперь семейный аватара,
И в круг любви заключены Тамара
Михайловна и Алла, и Вадим.

Лишь маленький толчок необходим
Для моего застенчивого дара, —
И запоет послушная гитара
Хвалы тебе — и нашим дорогим.

За децимы, за оды к именинам,
Даримые неведомым кузинам,
Не от тебя я жду себе наград.

Я действую по долгу и по праву:
Твоей семьи поэт-лауреат,
У вечности выслуживаю славу!

14 января 1974 г.

КОМЕТА КОГУТЕКА

Твой след простыл, и шлейф уже погас,
Но твой визит мы приняли на веру:
Цветочками украсили пещеру,
Достойными неотразимых глаз.

Не ждали мы девических проказ,
И даже ты переступила меру:
К неизвестному бежала офицеру
В неведомый небесный Арзамас!

Дано пылать комете настоящей
И пролететь параболой звенящей
На царский бал, на пир и торжество.

Но девушка, сиявшая поэту,
Беременна — не знаю, от кого,
А Вилли Хьюз женился по секрету!

17 января 1974 г.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

Моя земля! Въедаются в бока
Тебе дожди и снежные лавины,
Но высятся надменные вершины,
И ты одна любима и крепка.

Я на скале. Едва ли облака
Осмелятся вползти до половины,
Но даже им завидуют пучины,
И я гляжу на море свысока.

Суров и сух, рассудочен и верен,
Утесами и кедрами ощерен,
Я на скале — незыблемой ногой.

Внизу прилив, и я слежу с презреньем
За натиском и новым отступленьем.
...А ты похож на море, дорогой!

17 января 1974 г.

РОЗНЬ

Ручной скворец, прослушав соловья,
Бранит его за арию дрянную,
За скучную истому головную,
Напраслину чужого бытия.

Есть у скворца скворечник и семья,
А соловей... Но нет, я не ревную:
Ведь, на волну настроенный иную,
Как ты меня, тебя не слышу я.

А попросту: все ставки перебиты,
И не в игре — в пылу самозащиты
Пишу, кричу, чтоб не сойти с ума

От вымысла, сошедшегося клином,
От нежности — и даже от письма
Последнего (на языке скворчином).

25 января 1974 г.

ВОЗДАЯНИЕ

На небесах заносится в излишки,
В заслуги то, что здесь я отдаю,
И, падая на голову мою,
Становятся рахат-лукумом шишки.

Там за умы считаются умишки,
А умников подводят под статью:
Как видите, поэтом стать в раю
Надежда есть у Олина — у Мишки.

Тому, кто здесь не раз бывал разут,
Там сапоги со скрипом поднесут,
И в лучший мех оденется раздетый.

Не будем ли и мы награждены?
Ведь ради той мы были в жизни этой
Наказаны разлукой без вины!

29 января 1974 г.

КРОВИНКА

— «Не подходи к побоищам кулачным:
Ты не драчун, а мамин мальчик-пай.
В одиннадцать послушно засыпай,
Чтоб новый день таким же был удачным!

Теперь ты стал самцом единобрачным,
Так своего другим не уступай!
Ты не лентяй, не плут, не шалопай,
Не будешь ты и мужем подбашмачным!»

Но, мстительно и жертвенно любя,
Я высосал кровинку из тебя —
Всего одну, но самую живую.

Она во мне, и ты, полумонах,
В ней — ветрогон. Теперь я торжествую,
И вместе мы блудим в моих стихах.

13 февраля 1974 г.

«КА»

Твой ветреный голубоглазый «ка»
(Он юноша, его сестра — Психея)
Вчера лежал со мной, блаженно грея,
И щекотал меня исподтишка.

Но через час проворней ветерка
Он упорхнул. Поймай теперь пигмея
И расспроси о доме Водолея,
О мертвизне поэта-чудака.

Он мой и твой, и должен был вернуться,
Пока еще ты не успел проснуться.
Пусть хорошо позавтракает он —

И, может-быть, приемом очарован,
Признается, что сквозь далекий сон
Он целовал, но был и зацелован.

16 февраля 1974 г.

ЧЕЛОВЕКУ

В рай взлетят красавцы Ганимеды,
В ад низойдут князья и богачи:
И там, и там похожие ключи
Им обновят померкшие победы.

А мы — куда? Больны и полуседы,
Без золота, без замков, без парчи,
Без панцырей — совсем не силачи,
А данники цынги да костоеды.

Ты не Мидас. Я тоже не богач,
Не Антиной, не латник, не силач
(И хорошо, что за углом аптека).

Позволь же мне, обняв тебя нежней,
В тебе любить земного человека
В невидности и бренности твоей!

17 февраля 1974 г.

ОДИНОЧЕСТВО

Живу один и редко за ворота
На улицу высовываю нос, —
Там парочки целуются взасос,
И у меня вот-вот начнется ввота.

Вполголоса бормочется острота,
Слагается насмешливый вопрос:
Ведь нежности — не слаще папирос,
И ранний брак — сомнительная льгота?

Но, поглядев сквозь мутное стекло
На круглый стол, я чувствую тепло,
Уют гнезда без пошлости кисейной,

Без похвальбы больничной чистотой,
И, разомлев, соборности семейной
Завидую, как дьявол холостой!

19 февраля 1974 г.

ПОВОДЫРЮ

Подвижнику, епископу, царю
Почтительно я руку поцелую,
А преданность — еще и не такую —
Я выкажу тебе, поводырю.

За быстроту тебя я не корю
И за тобой, слепой, бегу вслепую,
Но и за сон, за роздых, за пивную
Не поклонюсь, не поблагодарю.

Идем-бредем, бездомные скитальцы,
И тянутся отгадчивые пальцы
Проверить рост, прочувствовать глаза.

С незрячестью, с беспомощной судьбою
Я за руку весь мир пройду с тобою
Хоть за сто лет. Ни за какие «за»!

21 февраля 1974 г.

КОРЬ

Чуть заболев, тяжелый на подъем,
Бывало, я шагал полуохотно
За девушкой, болтавшей беззаботно
О будущем замужестве своем:

— «Мы гнездышко уютное сошьем,
Запремся в нем, окно завесим плотно...» —
Она влекла и целовала потно,
Толкала в сад с луной и соловьем.

На склоне лет больной смешным недугом,
Молю врача: — Будь ангелом и другом,
Течения болезни не ускорь!

Позволь побыть блаженно одержимым,
В бреду любить, в горячке быть любимым,
Продли мой сон и старческую корь!

23 февраля 1974 г.

ФЕВРАЛЬ

Всё суета сует (спроси Екклезиаста),
Злу нет невыгоды, а прибыли — добру:
Себе один ли путь, другой ли изберу,
Пойду на сброс, на слом, на перегной — и баста!

А если до того мне перевалит за сто
И я в каком-нибудь крушении не умру,
То, самбу оценив и полюбив жару,
О снеге не вздохну — хотя бы для контраста.

Когда, в две тысячи пятнадцатом году,
Мне подадут на стол шампанское во льду,
Гримасу сделаю, не чувствуя разлада.

И, верно, где-нибудь на Северной Двине
И ты, приверженец пурги и снегопада,
В метель февральскую не вспомнишь обо мне.

24 февраля 1974 г.

БУДУЩЕМУ ОТЦУ

Лишь Иоанн в апостолах, мы знаем,
Сберег себя в призвании холостом,
А ты отец, и в жребии простом
Улыбчивым довольствуешься раем.

Родится сын — да будет Николаем,
Владимиром, что в Киеве с крестом
Незыблемо стоит перед мостом,
Но только бы не Роем, не Копаем!

К чертям пойдут Ревдит и Владилен,
Настурция, Донара и Кармен:
Быль новую соединив со старой,

Мою любовь с преемством родовым,
Дочь назови по матери — Тамарой,
А мальчика — Валерием Вторым!

26 февраля 1974 г.

КОЛДОВСТВО

Из имени — прозрачного фарфора,
Из юности — чуть больше двадцати,
Из верности — вернее не найти,
Из синевы угаданного взора;

Из бедности и злого приговора
Быть у того без чести, но в честí,
Кто для тебя загородил пути
На вольный свет за сумерки забора;

Из чистоты мечтательных стихов,
Из карточки без шапки, без мехов —
Мальчишеской, и с воротом открытым.

И все-таки всесильно колдовство:
Из рук моих ты вышел знаменитым,
А сотворен почти из ничего!

27 февраля 1974 г.

ЛЕЗВИЕ

Люблю тебя — за вычетом немалым,
Хочу тебя — но только не всего:
Супружество, отцовство, сыновство
Останутся плечам твоим усталым.

Я прилетел к певцам и привиралам,
Влюбившимся в сиротство и вдовство,
А не к тебе. Храни свое родство,
Сиди с женой над сыном годовалым.

Но лезвием тончайшего ножа
Я отсеку спокойно, не дрожа,
Высокое от низкого служенья.

Мой дух и твой назначены в полет —
О нет, не в рай! — на крест самосожженья,
А тело пусть по-своему живет!

28 февраля 1974 г.

ПОРТРЕТ

Холст размягчен, и краска разогрета,
Но и во сне целую лишь портрет,
А крепче спать не позволяет свет,
Струющийся от темного портрета.

— Ах, полноте: влюбиться, в ваши лета...
Давно ведь вам не восемнадцать лет. —
И снова боль, и снова те же «нет»,
И не dospлюсь до лучшего ответа!

Мне никогда не снится грех земной,
Но, Господи, присматривай за мной,
Когда не сплю, портрета не целую,

А попросту, по-общему живу
И, в комнату зазвав его жилую,
Незримого ласкаю наяву!

3 марта 1974 г.

ПИСЬМО

(I)

Не слиток золота я прячу на дому,
А боль ответную расслышанного зова,
И перестроиться судьба моя готова
По катехизису — по этому письму.

Теперь ты вверился томленью моему
И стал добычею — единственной — лова:
Из мрежи выпростав, я пленника такого
И в сердце жадное, и в жизнь мою возьму.

Пусть, наслоненная на строки дорогія,
В подвале шепотом поется литургия,
И пусть на улицах останется темно.

А ты засветишься — чтоб засияли славой
И стали жертвою, бескровной и кровавой,
Хлеб евхаристии и красное вино!

4 марта 1974 г.

ПИСЬМО

(II)

В мой антиминс не косточку святого
Я заключил, не крохи вещества,
А целое письмо — и в нем слова
Простейшие, но чина непростого.

Вместилище для таинства готово,
Былая пыль шуршит, почти жива:
Горь сердца! — под ветром божества
Прах оживет, и плотью станет слово!

Развернут плат. Преображает свет
Хлеб и вино словесные — в сонет,
Где явится смиреньем полновластье.

К твоей любви придав любовь мою,
Светлейшее — святейшее — причастье
Я городу и міру раздаю!

6 марта 1974 г.

ДО ТРИДЦАТИ

До тридцати ты дожил худощавым
Без жировых скоплений, без брюшка,
Без барственной боязни сквозняка,
Мальчишески здоровым — и нездоровым.

Теперь же ты почти назначен «завом»:
При орденах и ближе к сорока
Простудливость придет наверняка
И с юношей рассорится курчавым.

Но вправду ли не видишь ты примет
Моей зимы — моих последних лет?
Не слеп ли ты, что любишь безрассудно?

Я жив еще, но стар. А ты поверь,
Что будет мне и мертвому нетрудно
Любить тебя таким, как я теперь.

7 марта 1974 г.

ПОД ВЕЧЕР

Весь долгий день я наскоро живу,
Глазами злюсь и подгоняю стрелки,
В свою прошусь из несвоей тарелки —
В сон, где с тобой увижусь наяву.

Ты на реке — я рядом поплыву,
Ты зван плясать — приду на посиделки,
Ты с девушкой — я поревную в шелки
И отойду — удачи не сорву.

Впустую рвы прорыты между нами,
И мы шутя их замостили снами,
И обнялись, разлуку доконав.

Что тридцать лет? Мгновенья, а не годы!
Что пять морей? Не глубже тех канав!
Что дом и долг для страсти, для свободы?

20 марта 1974 г.

ПТИЦЕЛОВЫ

Ленивые лазоревые сны
Мечтателям раздав пустоголовым,
Купив силки, я вышел птицеловом:
Перо и пух на фабриках нужны.

В тот лес и ты — смотреть со стороны
Смешно! — пришел добытчиком суровым,
И, промыслом захваченные новым,
Забыли мы, что крылья нам даны.

Два новичка в охотничьей науке,
Мы увальни — и оба близоруки:
Не видели тетеревиных гнезд!

И вот финал: бесславен он и мирен, —
В плен к Сирину попался Алконост,
И пленником у Алконоста — Сирин!

20 марта 1974 г.

ВАЛЕРИЮ ВТОРОМУ

В поэзии российским далай-ламой
Я сделался, изгнанник и чернец.
Родись теперь. Твой будущий отец
Уведомлен об этом телеграммой.

Войду в тебя над Шилкой или Камой
В тот час, когда наступит мой конец,
И за тобой отправится гонец,
И с папою простишься ты и мамой.

Введут тебя в суровое жилье,
Чтоб ты узнал привычное, свое —
Для торжества заветных суеверий.

Мои стихи рука твоя найдет
И в подписи — уже твоей — «Валерій» —
Еще мое «и с точкой» оживет!

25 марта 1974 г.

ПОСЛЕ ЭПИЛОГА

Мы между строк шептались обо многом
То попросту, то рифмами звеня,
Но шелкнула злорадно западня
Безвременным жестоким эпилогом.

Я бью челом упрямым недотрогам —
Насельникам небес. Но для меня
Им разве жаль полезного ремня
И прописей (общепонятным слогом)?

И плоть, и дух лихие жгут бичи,
А в присвисте: молчи, молчи, молчи!
И снова крик, и снова истязанье.

За каждый зов то к Богу, то к судьбе —
Еще удар! И, наконец, молчанье,
Вопящее молчанье о тебе!

1 мая 1974 г.

ПРИГЛАШЕНИЕ В РАЙ

Возненавидь холодную Москву:
Она сера, от серости сурова.
Слух напряги для ласкового зова:
Ведь я тебя в Бразилию зову!

Я зелень дам тебе и синеву
С прожилками свеченья золотого,
И с корабля завидишь ты морского
Свой детский сон, расцветший наяву.

А брак — не грех, но крупный недостаток,
И ты смотреть не должен на мулаток,
Заговорить не смея ни с одной.

Коль невтерпеж — тихонечко присвистни
И отвернись, и крепче зубы стисни.
Ведь ты в раю и, значит, неземной!

8 мая 1974 г.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Ты трудишься во имя хлебной корки
В редакции, в трамвае, на дому,
Чтоб не бывать сынишке твоему
Без букваря, без кашки, без касторки.

Что ж? Нежностью преображай задворки,
Коль места нет в боярском терему.
Я терпелив и, может-быть, приму
За доводы — пустые отговорки

А лучше бы, заданья отложив,
Поладил ты со мной, пока я жив
И не вросла в песок твоя дорога.

Учти, что я уже полуседой
И, сделавшись наперсником у Бога,
Встряхну тебя подстроенной бедой!

14 мая 1974 г.

ПАМЯТЬ

Всё памятью от смерти спасено:
Как в юности, играют зорю трубы,
Вновь по местам и вырванные зубы,
И волосы, опавшие давно.

В морозный день, бросая «Всё равно!» —
На лекции ты бегаешь без шубы,
И остудить мальчишеские губы
Ни холоду, ни ветру не дано.

Размельчены пороки в недостатки,
Грубейшие ошибки — в опечатки,
И все цвета — задорней и живей.

Так, может-быть, наперекор заплатам
И лысине, я в памяти твоей
Опять живу веселым и крылатым?

18 мая 1974 г.

БОЛЬШОМУ

Налим и сом не вырвутся из сети,
Но всюду путь открытый для малька.
Оса, звеня, не разозлит силка,
И в рай легко проскальзывают дети.

Полушкою не дорожат в бюджете,
За «кровь — любовь» не рвут черновика:
Ведь иногда шершавая строка —
Смирнейшая в отточенном сонете.

Тьма выходов у жалкой мелюзги,
А к сильному безжалостны враги, —
Но высится громоотвод, готовый,

За тленное, за хрупкое скорбя,
Навлечь удар последний на себя.
...А ты зачем не двадцативершковый?

31 мая 1974 г.

ЛЮДОЕД

Я людоед — индеец бороро.
Я мстителен, коварен, кровожаден.
Когда мой лук соседом был украден,
Его на смерть я выманил хитро.

За старую лопату, за ведро
Хватило бы попреков или ссадин,
Но я суров, жесток и беспощаден
И на крови я возведу Добро.

За то, что я в бою храним богами,
Им табаком и пленными врагами —
То печенью, то сердцем — воздаю.

Так, может-быть, я искуплю измену,
Кормя тобой любовницу свою —
Ревнивую дикарку Мельпомену?

31 мая 1974 г.

ВЕСНА

Опять весна. Хмельнее и блаженней
Пусть ветерок бродяжит по дворам:
Теперь и мне — от выставленных рам —
Легко дышать — без головокружений.

Дыши и ты — для новых постижений,
Расти, мужай, прибавь дары к дарам,
Пирь к пирам, вино, пары к парам, —
Ну, словом, будь Евгением, не Женей.

А я не в счет. Без доступа к мірам
Несбыточным, я чадом эпиграмм
Дым заменяю стихов-самосожжений,

Но поклонюсь — хоть издали — горам:
Ведь, может-быть, и жертвам поражений
Позволено взирать на горний храм?

21 июня 1974 г.

НОВОСЕЛЬЕ

Я не вмещал блаженной полноты
Встреч и бесед, Шекспира и Толстого,
И, в приступе восторга рокового,
Вам написал невежливо — на «ты».

И сразу же — разведены мосты,
Чтоб ни одно не пробежало слово,
И на полях письма полушального
Размашисто расставлены кресты.

Писать ответ, которого не будет,
Вас даже Бог бразильский не принудит,
Хотя бы Он добрался до Москвы.

И снова я один в отвыкшей келье,
А Вас (я Вам опять пишу на «Вы»)
Не пристыдит чужое новоселье!

22 июня 1974 г.

DE PROFUNDIS

Нам велено, чтоб не грешили мы,
Стенами верст и лет разгородиться,
И пишется в Бразилии страница
«Из глубины» — из Рэдингской тюрьмы.

Сплетается из пламени и тьмы
Узор судьбы беспутного сновидца,
А ты — в Москве. Успев остепениться,
Зной остудил сугробами зимы.

И все-таки, Lord Alfred, милый Бози,
Ты не почил на прописях, на прозе,
В тебе поэт клейменный не замолк.

Пока я жив, ты бед избежнешь лишних,
Но мертвому заплатишь старый долг
Раскаяньем и болью книги «В вышних».

26 июня 1974 г.

ВЫСТАВКА ЗЕРКАЛ

Идет Господь на выставку зеркал:
Из них одно тебя застало сыном
Почтительным, другое — семьянином
(В тот час, когда сынишку ты ласкал).

А я еще такое разыскал,
Что к потайным чувствительно глубинам:
В его глухих потемках Максиминном
Уже не раз, покорный, ты мелькал.

По правде, в нем лишь мы прекрасны двое,
А для других — для всех — оно кривое:
Спиралями глаза, и лоб углом.

Пройдет Господь — и, оглядев изломы
Прямых зеркал, осудит их на слом,
И лишь мое возьмет к Себе в хоромы.

30 июня 1974 г.

ПРОЩЕНИЕ

Брани меня, показывай клыки,
Зови шутом и дураком отпетым:
Поставив крест на воплощеньи этом,
Для нового меня перетолки!

Не станут ли простые пятаки
Изысканным подобными монетам,
Смех — музыкой, и клевета — сонетом,
Наградой — боль, цветами — синяки,

Хваленьями — цепей тяжелый скрежет?
И в жизни той, что некогда забрезжит,
Ты будешь мной, и буду я тобой:

Гераклом ты, я Еврисеем хилым,
Но, если ты придешь проситься в бой,
Я подвиги задам тебе по силам!

23 июля 1974 г.

ПРИЗВАНИЕ

Ты дверь, Ты путь. Для нас Твоя работа,
Для нас и крест. Поднимется Андрей,
Управится Иаков побыстрей,
Петр выбежит и распахнет ворота.

А женщина на дом женою Лота
Оглянется, чуть выйдя из дверей,
И сколько жен, сестер и матерей
Останется без ласки, без оплота!

А что бы им вскричать наперебой:
— «Ты их берешь? Так с ними и с Тобой
Идем и мы. Нам подвиг не помеха».

Теперь и я по праву Твоему,
А не мечом и не копьем Ламеха
И юношу, и мужа отниму.

1 августа 1974 г.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ГУМИЛЕВА

(I)

Детей иметь — похвально, и весьма, —
Сказала Смерть, свежатинки отведав,
И разъяснил, зевая, Грибоедов,
Что для того не надо и ума.

Охотников толкает Жизнь сама
Идти в ряды отцов, а после — дедов
(За вычетом случайных Ганимедов)
И расширять родильные дома.

Но смолоду от жадных губ Гекубы
Я отрывал неищущие губы,
Бежал от нег и творческих затей.

Прожить я мог и чище, и безбедней,
Но горд и тем, что, старый и последний,
Я не имел от женщины детей.

5 августа 1974 г.

(II)

*И никогда не звал мужчину братом,
Хотя любил не менее двухсот:
Ища у них полуденных красот,
Особенно я нежен был к мулатам.*

*Я не ходил к поэтам и прелатам
Для пафоса, для умственных высот:
Мне был милей какой-нибудь сексот
Попавшийся, со взором виноватым.*

*От Лосского и Франка я зевал
И убегал на людный карнавал,
Дышал толпой и музыкой, и зноем,*

*А за полночь в дешевом кабачке
С очередным случайным Антиноем
Беседовал о смерти и тоске.*

19 августа 1974 г.

НЕ РЕВНОСТЬ

К тебе в Москву я скоро прилечу,
Но к выбору тебя не приревную:
Твоей жене я руку поцелую,
И потреплю сынишку по плечу.

Заранее покрепче разучу,
Как выдавить улыбку — и не злую,
Когда к тебе в ту комнату жилую
Войдя, тебя в удаче уличу.

Из-за судьбы, а больше из-за дали
Мы встретиться лет на пять опоздали,
Иначе бы избранницу твою

Просватал я за юношу такого,
Что перед ним ты жалок, но другого,
А мальчика вернул небытию!

8 августа 1974 г.

ЖЕНАТОМУ ДРУГУ

Мне выбор твой и ведом, и заведом, —
Не лунный свет, а плотный жар земной:
Ты не тонул, как томный Антиной,
И не летал невольным Ганимедом.

Но дыбится и пахнет пряным бредом
Запретный хлеб — не ближний, не ржаной:
Вкуси его — и, пьяный новизной,
Люсьену стань и Лисию соседом.

Ведь Менексен и Бози, и Хармид —
Вне племени, и каждый знаменит.
Но ты — отец: осилена крамола!

Что ж, не сойди с утопанной стези
И торжеством оспоренного пола
На дерзкие соблазны возрази!

22 августа 1974 г.

АНГЛИЙСКИЙ СОНЕТ

Всё лучшее, что я любил не раз,
Сошлось в одном неутолимом теле,
И множества меня дразнивших глаз,
Перекалясь, твоими засинели.

Объединил, сомкнув, твой чистый лоб
Лоб мудреца со лбом брахицефала:
Так радуга, когда прошел потоп,
Одним лучом нераздробленным стала.

Ты — ответ мой, но ты и чародей,
Живой ответ на тысячи загадок.
Воистину, я не хочу дождей:
Ведь луч простой пленительнее радуг.

Во все цвета влюбляясь вразнобой,
Я вылюбил тебя — и стал тобой!

8 сентября 1974 г.

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

Твои глаза — изменчивый Протей —
Лгут (или нет?) окраскою любую:
То яростью свинцово-голубую,
То нежностью — теплей и золотей.

Твоя душа то чехарда страстей,
То реквием — и над самим собою:
Я доверял поэту, не плэйбою —
И, вот, устал от масок и затей,

От хитростей пустой многовидимки!
Таков ли ты, как здесь, на этом снимке?
Не кожа ли мне кинута твоя?

Ведь, может-быть, ужом полудомашним
Казавшийся в мірке позавчерашнем,
Сегодня ты — гремучая змея?

18 сентября 1974 г.

ПЛЕМЕННОЙ СОНЕТ

Чтоб юности, надеждам и здоровью
Недолгий день порадовались мы,
Рок-ростовщик дает их нам займы —
И отберет назад, не двинув бровью,

Да и лихву сдерет не по условию,
Но до конца веселой кутерьмы
Разгадками туманятся умы,
Сердца звенят несбыточной любовью.

Один сонет — «Последнюю струну» —
И тоже с тем, что я его верну —
У Времени я выпросил на время.

За ним пришли. Но это ли беда?
Заемное использовано семя,
Умножены сонетные стада!

19 сентября 1974 г.

СПРАВКА

«Не верь, не верь поэту, дева!»

Тютчев

Грядущему литературоведу
Помучиться придется надо мной:
Ведь я — хитрец, плутишка продувной,
По ложному его пускаю следу.

За справками он бросится к соседу,
С которым бой веду чересстенной,
За плесенью клубнички выписной —
К царившему (когда-то) Ганимеду.

По внешности я вовсе не старик,
А по стихам — купил себе парик,
Подделал чек, женился на приданом,

Извел жену и деньги промотал...
Поймет ли он, наперекор обманам,
Что сам себя поэт оклеветал?

6 октября 1974 г.

СОНЕТ ОБИДЫ

Соседскую девчурку Портинари
Дант поселил в торжественном раю,
Зато жену бесцветную свою
Забыл одну на жизненном базаре.

Той — фимиам, а этой — запах гари,
Чад кухонный, присвоенный жилью;
Той — вечный день, созвучный бытию,
А этой — ночь и жребий низшей твари.

Вот так и я без дома, без жены
В плоть претворил настойчивые сны,
И ты возник надзвездным Беатричем,

И за море домчался дальний клич.
Но не был ты разбужен этим кличем:
Джем заспанный — совсем не Беатрич!

Фамилия Беатриче была Портинари.
Джемма — жена Данте.

10 октября 1974 г.

ЕДВА ЗНАКОМОМУ

«Только утро любви хорошо».

С. Надсон

Будь юношей веселым и прелестным,
Но для ума признанья не проси,
Хоть приглашен Людовик Потоси
Быть при тебе наставником небесным.

Закончив труд ручной в подвале тесном,
Заказчикам работы разноси,
А для меня и на моей Руси,
Как твой святой, останься неизвестным.

Ты темненький — не в цвет моих седин,
Но я хочу тобою выбить клин:
Чужим, живым — родного, неживого.

А вдруг и ты — не только взгляд и слух,
Не свет, не луч, не песенка, не слово,
А во плоти такой же дальний дух?

28 октября 1974 г.

ВСЛЕПУЮ

Вы верите нелживости наград:
Плеч белизне и взору голубому,
И, зрячие, заметите трахому,
И отступить успеете назад.

За чистоту сочтете ли разврат,
За гобелен — прогнившую солому?
А я слепой. Как суждено слепому,
Влюбился я наощупь (невпопад).

Кто мог бы знать, что это не Венера,
Без запаха поддельного Пивера,
Без накладной свинцовой белизны?

Она не лжет ни вздохами, ни дрожью,
Немой метоп дорической стены,
А я, дрожа, припал к ее подножью!

30 октября 1974 г.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Признание милое услышал я вчера:
Меня Вы любите за Божий дар словесный,
Хотя в поэзии не самый я известный
И больше славятся иные мастера.

Так отвернемся ли от малого добра?
Люблю я Сержио за то, что в день воскресный
Могу подкинуться к нему в седан трехместный,
Люблю Антонио — как чудо-маляра.

Как парикмахера, люблю мулата Нило,
Как мыло мыльное — кокосовое мыло,
И только «Итою» я огурцы солю.

Дениса Уивера люблю я, как актера,
Анселмо лысого люблю, как полотера.
Как переводчика, я тоже Вас люблю.

6 ноября 1974 г.

АНГЛИЙСКИЙ СОНЕТ

Бессонницей томись, жена, ревнуй
К любовнице — не к дряблой проститутке.
Один. Два. Три. И каждый поцелуй —
Дань плечу, животику и грудке.

Ее постель уютней и теплей,
И выстоит в любую непогоду,
А у тебя «за пару сот рублей»
Я выкупил кольцо — мою свободу.

Так не сердись. Я честный человек,
И я плачу долги христианина:
Ведь у судьбы тебе вручил я чек
Очередной на воспитанье сына.

Откуда же сквозь мой любовный бред —
Звон тридцати серебряных монет?

7 ноября 1974 г.

МОЙ СОНЕТ

Я подарил тебе, а не Пандоре,
Отборный шелк для вьющихся кудрей,
Дал синеву тропических морей
Для тихости в незамутимом взоре.

Велел тебе: цветы в моем уборе,
Как Дориан — греши и не старей.
А сам понес в некрополь галлерей
Отметины твоей душевной кори,

Осколки клятв и письма, и дела —
Позорные напластованья зла.
Что сделал ты с оплеванным портретом,

Предав жену и сына погубив!
Но грязь и боль взошли моим сонетом,
А ты, как был — невинен и красив.

16 ноября 1974 г.

СОСУДЫ

Чувствительность моя была двойной:
В моем мозгу сиренами гудели
Опасности в моем же хилом теле,
Загнивший зуб, изжога, хрип грудной.

Но тут же в нем — не за глухой стеной
Особности — твои нарывы зрели,
И на виду, не под полом, не в щели —
Изнемогал и палец твой больной.

Как мог бы я не всхлипнуть, не поохать,
Когда тебя захлестывала похоть
И взвинчивал неблагонравный зуд?

Теперь, когда ты пуще исцарапан,
Я боль твою отвел бы через клапан,
Но отделил ты сам же свой сосуд!

1 декабря 1974 г.

НЕУДАЧА

Ты — выжимка из иксов и нулей,
Хоть разодет в сияющие ризы
И оживлен улыбкой Моны-Лизы,
Наложенной на разогретый клей.

Ты делался то злей, то веселей,
То пасмурней — и множились капризы,
Но под конец сорвал я все эскизы:
Тлеть нечему, а все-таки истлей!

И брошен ты, неславный и невидный,
Безобразный, беззубый, безобидный,
В небытие — куда-то под постель,

Подачкою «баратам» и термитам,
А мог бы стать живым и знаменитым —
Концовкою для книги «Ариэль»!

«Бараты» — летающие тараканы изрядного
формата.

1 декабря 1974 г.

ПЕРЕЕЗД

На сумрачных окраинах столиц
Таких домов немало вы знавали:
Вместительных, доходных, но едва ли
Построенных для светлых небылиц.

На много лет цемент без половиц
Достался мне в сыром полуподвале,
Где слизняки уныло кочевали,
Деля углы с ватагами мокриц.

Там, похотям оставленный запретным,
Я стал и сам холодным, бесхребетным,
Узнал себя в безвольном слизняке.

Но все-таки, туда с бутылкой рома
Придя, меня вы не застали дома, —
Ведь я теперь живу на чердаке!

7 декабря 1974 г.

ПРИЗРАКИ

Ты — хрупкое собрание ветровое
Возможностей: красив и некрасив,
Но, жизнь тебе на время подарив,
Украсил я творенье неживое.

С тобой, увы, меня не стало двое,
И, выдумку вдвойне перехитрив,
Я сдал тебя не в белый мой архив,
А в серое подполье мозговое.

Я вновь один (невольный полувздох),
Но и себя я застаю врасплох
Неслаженной игрой противоречий,

Из серости сплетенной кое-как:
Ведь, может-быть, разочарован встречей,
Меня и ты вернул в такой же мрак?

17 декабря 1974 г.

СМЕРТЬ ВЫМЫСЛА

Сыграть финал житейской драмы этой
Без помощи твоей и я не смог:
Дверь хлопает, и в горле злой комок,
Осколок сна и песенки допетой.

Над брошенной со злобы сигаретой
Косился бы сиреневый дымок,
А ты, уйдя, наверно бы промок
Без зонтика и наскоро одетый.

Да, если бы не годы и не даль,
Терзала бы малейшая деталь
Свидетельством надеждам и невзгодам,

А я здоров и мне почти смешно:
Действительный убить бы мог уходом,
Но не актер на полотне кино!

22 декабря 1974 г.

ЧИЖИК

Щебечешь ты, не знавший воли чижики,
За прутьями лавчонки обувной:
За то, что ты веселый и смешной,
Тебя, Луиш, я буду звать «Луижик».

Таким и будь. Ведь без латинских книжек
Улыбкою ты совладал со мной
И на груди — здоровой, но больной —
Свое тавро, того не зная, выжег.

На много лет, живя в земном саду,
Не мудрости доверься, не труду,
А красоте. Такому Ганимеду

Поклонятся, звеня, колокола,
К нему слетят и фениксы по следу
Не девушки, а Зевсова орла.

24 декабря 1974 г.

ТВОРЕЦ

Крепчайшего, тебя я раскрепил
Для высших нужд, не просто для забавы,
И — на творца ищи теперь управы —
Дух выпростал, а тело оскопил.

Без топоров, без молотов и пил
(Они давно заброшены и ржавы)
Я раздробил исправные суставы,
Что сам тебе придумал и слепил.

Теперь глаза и волосы, и руки
Превращены в рифмованные звуки:
Разъятая, разрозненная плоть

Топорщится и рвется в неземное,
Но разве я, твой любящий господь,
Бессмертие сулил тебе иное?

14 января 1975 г.

АКРОСТИХ

Акrostихом, задуманным в досаде,
Разрушу ли твой неприступный дом?
Исторгну ли захватанный грехом
Эфод честной — Господней правды ради?

Льняную ткань и спереди, и сзади
Изорвала в бесстыдстве молодом
Любовница твоя... Хочу стихом
Испепелить ее в моей тетради!

Бел мой наряд, по-прежнему святой,
А ты земной прельстился красотой —
Беснуешься, закабаленный мраком.

Не сплю и я, следя издалека,
И разве гнев недоуменным знаком
Кончается — бессильный, как строка?

6 марта 1975 г.

БЛУДНИКИ

Схвати ее в охапку посильней
Наперекор наигранной боязни
И обнажи, и вытяни, и в ней
Всею алчностью, всем бешенством увязни.

Сожми ее, любя и не любя,
Обворожи искусным приворотом,
Чтоб ей отдать и самого себя
Дрожаньем ног и семенем, и потом.

Ты думаешь, блудник и сердцеед,
Мой оскорбить монашеский обычай
Паденьем в грязь и мнимостью побед?
А я и сам, обжорой и добычей,

Живу тобой — и кролик, и удав —
Всего тебя впитав и напитав!

17 апреля 1975 г.

ЖЕНЫ

У Пашеньки над ротиком пушок,
У Глашеньки глазища, будто кубки,
У Симочки — занозистый смешок,
У Галочки под блузкой две голубки.

Но Галочка ленива и толста,
А Симочка — болтливая сорока,
А Глашенька круглее решета,
А Пашенька — суха и кривобока.

Вот, если бы у каждой уцепить
По одному кусочку совершенства,
Чтоб целое из ломтиков слепить —
Резервуар постельного блаженства!

Но я, томясь по женщине такой,
То на одной женюсь, то на другой!

24 апреля 1975 г.

НЕ ПЕРВЫЙ РАЗ

José Vieira dos Santos.

Не первый раз девической толпой
Ты окружен: их более десятка,
И, кажется, развязная мулатка
Собой почти довольна — и тобой.

Все ластятся и льстят наперебой:
Одну томит и треплет лихорадка,
А у другой свербит сухая матка,
И ты для всех — желанный водопой.

Я пережду. И снова речь о «Пире»
Пойдет у нас: о тройственности в мире,
О радости прохладным стать ручьем

И утолить желанье побратима
Первичное, понятнейшее — в чем
Наставила Сократа Диотима'

23 июня 1975 г.

ВЕРНОСТЬ В НЕВЕРНОСТИ

Не морг, а мозг. И ты в моем мозгу,
Раскромсанный на составные части,
В которых я признать едва могу
Мой вымысел — дитя моей же страсти.

Палладио на пальцы-лепестки
Надел твои серебряные кольца,
Но как его касанья далеки
От твоего пожатья комсомольца!

У Сержио, живого, узнаю
Твои глаза по искоркам задорным,
И голову курчавую твою
У Туллио — на туловище черном.

Во всех телах знакомое любя,
Из месива я воссоздам тебя!

26 июня 1975 г.

В РАЗЛУКЕ

*«Dull sublunary lovers love
(Whose soule is sense) cannot admit
Absence because it doth remove
Those things which elemented it!»*

John Donne.

Глазам нужны глаза, живым рукам —
Ответные податливые руки,
И потому влюбленным пошлякам
Не устоять под натиском разлуки.

Рот, плечи, грудь — пылают вещества,
Чтоб и в тебе горячее пылало,
Но перестань подкидывать дрова, —
И пламени как будто не бывало.

Как были бы свиданья хороши
Наперекор тайфунам и метелям,
Но должен я в скиту твоей души
Прикинуться холодным Ариэлем,

А пламени довольно у меня
Для жаркого телесного огня!

11 июля 1975 г.

КЛИН

Чем вытолкну в ребре засевший клин?
Ведь это бес из шайки Асмодея,
Что, не щадя ни чести, ни седин,
Бахвалится, от крови молодея.

Я гнул его молитвой и постом,
Умасливал сонливостью и сплином,
И вспоминал о способе простом —
Что надо клин таким же выбить клином.

Бил так и сяк, но даже подтолкнуть
Не смог его и целой лесопильней:
Все клинышки, что вбил себе я в грудь,
Чем тот один, тупей и малосильней.

Клин-кипарис ни с места, а вокруг —
Разросшийся рассадник меньших мук!

3 августа 1975 г.

СЧЕТ

Я отмолил тебя от Колымы,
От «ворона», от обыска ночного:
Любил тебя — и для стола земного
Небесный хлеб давал тебе взаймы.

Питал тебя три долгие зимы,
Тебя, жену и третьего — грудного,
И долг не рос, а претворялся снова
В акафисты — хвалебные псалмы

Весне, тебе, спасенному здоровью.
Но от весны я истекаю кровью:
Бред и озноб, и розами платки...

По совести, о жертвах я не плачу,
Но за рубли хотя бы пятаки
Мне возврати — присвоенную сдачу!

2 октября 1975 г.

ЗВЕНО

ВЕНОК СОНЕТОВ

I

Жизнь у конца — и снова у начала:
Окончен путь поэта-чудака,
Обречена последняя строка
Забвению на празднике развала.

А та душа, что жалобно взывала
О чистоте родного языка,
Скитается, бездомная, пока
Ей очередь родиться не настала.

И нас двоих решительной чертой
Ночь разлучит — жестокой немотой.
Есть, может-быть, виденья и приметы,

Но разве ты, намеком или сном
Встревоженный, не устроишься Леты,
Едва замрет кладбищенский псалом?

II

Едва замрет кладбищенский псалом,
Ты с похорон вернешься, мой Евгений,
Ласкать себя теплом отдохновений
И тешиться словесным ремеслом.

О, если бы и мне взойти тайком
На твой чердак по клавишам ступеней,
Любил бы я твой уголок весенний —
Тебя, жену и сына за столом.

Непрошенный, невидимый, но нежный,
И зависти, и ревности чужой,
За слуховой стоял бы я межой

И, снова в путь пускаясь неизбежный,
Простился бы с негреющим теплом —
Настойчивый, со вскинутым челом.

III

Настойчивый, со вскинутым челом,
Я не застрял в бездумном счастье этом:
Пытался быть монахом и аскетом,
Подвижником в отрепьи власяном.

Для всех я был угрюмым чужаком,
Пособником пугающим приметам:
Житейское сплетенье тьмы со светом
Казалось мне соблазном и грехом.

Бессильные перебирая четки,
Для разума я воздвигал тюрьму,
Где скопчества унылые решетки

Гонимую подчеркивали тьму.
Теперь, когда борьба отбушевала,
Я поднимусь на гребень перевала.

IV

Я поднимусь на гребень перевала,
А дальше — вниз, но в давке городской
Найду ли я нечаянный покой,
Которого пустыня не давала?

Сумятица огромного вокзала,
А на полу — незрячею толпой
Раздавленный, затоптанный левкой:
Судьба цветка моей судьбою стала.

От родины за тридевять земель
Нужны ли мне воспоминанья сердца?
Но издали призыв единоверца

Мне возвратил разлюбленную цель,
И снова я на берегах Байкала:
Ведь там не раз душа моя бывала.

V

Ведь там не раз душа моя бывала:
Забыть ли ей холодную страну,
Неяркую небес голубизну,
Что надо мной когда-то колдовала?

Забыть, забыть! Обмякла, отзывала
Жизнь тусклая, но, отходя ко сну,
Я угадать могу еще одну —
Ближайшую — в долине Сенегала.

Грядущая не будет ни важней,
Ни призрачней теперешней моей.
Жизнь-золушка! Грустя в сиротской доле,

Ты по утрам, платок связав узлом,
Царапины, порезы и мозоли
И сны несла, и замыслы на слом.

VI

И сны несла, и замыслы на слом
Душа моя, и с каждой кончиной
Ее тюрьма ложилась рыхлой глиной —
Оплаканным зачем-то костяком.

Я истлевал, снедаемый песком,
Лобзаемый подземною ундиной.
Так и теперь: благой Первопричиной
Размолото, лишь в облике ином

«Я» оживет — вернувшаяся птица —
И станет петь о страсти и тоске
За прутьями, в искусственном мирке.

Но будет ли повторная темница
Мне, новому, казаться прежним злом?
Так хорошо не помнить о былом!

VII

Так хорошо не помнить о былом:
В ином краю, в каком-нибудь вигваме,
Доверчиво тянуться к новой маме
За нежностью, за теплым молоком,

К ней прибегать с улиткой и листком,
Упрячиться и хныкать вечерами
И, овладев негибкими словами,
Заговорить нерусским языком.

В двенадцать лет карабкаться по скалам,
Прислуживать охотникам бывалым
И доедать объедки на пиру.

Потом узнать желаний плотских жала.
Дозволено резвиться на ветру
Кораблику — до нового причала.

VIII

Кораблику до нового причала
Дано любить крылатую мечту.
Любил и я святую чистоту,
Что помыслы о счастье исключала.

Мне музыка нездешняя звучала,
Надмирную сулила высоту, —
Когда бы я остался на посту,
Та чистота меня бы увенчала.

Я отступил. Я отдал грубый плуг
За выдумки, за книги, за досуг.
Я изменил пареньям литургии,

Но выплачу долги мои вдвойне,
Когда в моей заплаканной России
Отечество определится мне.

IX

Отечество определится мне
Не жребием случайным, а по мере
Раскаянья: тогда к чистейшей вере
Я подойду, к любви и тишине —

И с Господом замкнушь наедине
В подпольи ли, в холодной ли пещере,
Но только бы не отворялись двери
Назад, к людской возне и болтовне!

Я сам прервал сладчайшую беседу
С подателем премудрости — Христом,
Чтоб изнывать в бездействии пустом

И колесить по собственному следу.
Позорный долг я возьмещу вполне
В какой-нибудь заброшенной стране.

Х

В какой-нибудь заброшенной стране
На стыке гор и пламенной пустыни,
Дай прошагать по зарослям полыни
С колючкою, приставшею к ступне.

Внеси меня на вздыбленной волне
К язычникам, которые поныне
Не ведают о правде и святыне,
О верности ни другу, ни жене.

Да буду я в грядущем воплощеньи
Бестрепетным свидетелем Твоим:
Твоим во всем — и в жизни, и в ученьи,

И за Тебя да буду я гоним
Толпой людей, воинственной и странной
С тамтамами и хрипотой гортанной.

XI

С тамтамами и хрипотой гортанной
Я подружусь, хотя и не знаком
Я ни с одним дикарским языком
И слышу в них раскаты речи бранной.

Пришлец и там, но, небесами званный,
Останусь ли случайным пришлецом?
Вздохну ли там, как здесь, перед концом,
Что на земле родной я нежеланный,

Но за морем, назло своей родне,
Избранник мой заплачет обо мне,
О том, что всё могло бы быть иначе,

И проклянет постылую Москву.
А может-быть, о том не зная плаче,
Кликун, и там я к Богу воззову?

XII

Кликун, и там я к Богу воззову,
Быть научусь послушной и смиренной,
Чтоб эти семь последних воплощений,
Пройдя, как сон, остались наяву.

А дальше — взлет к большому торжеству,
В бессменный день от чехарды явлений,
Чтоб не было для духа отступлений
Во мнимый плен, к земному колдовству.

Но, связанный непоправимой клятвой,
Я в мир вернусь — теперь уж за тобой —
И нарекусь архатом, боддисатвой,

Твоим гуру, учителем, судьбой,
Венцом даров безжалостных венчанный,
Игралищам противник неустанный.

ХІІІ

Игралищам противник неустанный,
Супружеству — паденью с высоты,
Родительству — нелепице мечты
О вечности, условной и туманной.

Я отниму и якорь твой обманный
И разгромлю причалы и мосты.
Всё потеряв, наполнишь сердце ты
Безличною осмысленной осанной.

Когда же вновь настанет юный день,
Я возведу предызбранного брата
На новую неровную ступень

По лестнице святого Зиккурата —
Ничтожный шаг, но ближе к Божеству —
И снова часть бессмертья изживу.

XIV

И снова часть бессмертья изживу,
И, снова в мир отосланный, я стану
Показывать недалнюю нирвану
Бездетности, безженности, вдовству.

Моим телам не раз истлеть во рву,
Наперекор гробнице и кургану,
Не раз уйти пророку и шаману
В забвение, в седую трын-траву.

Любимый мой, вольнее и крылатей
Вставай и ты от месива зачатий,
Акростихом, сонетом ключевым,

Травинкою у глыбы пьедестала
Над тем тобой, что снова стал живым:
Жизнь у конца — и снова у начала!

МАГИСТРАЛ

Жизнь у конца — и снова у начала!
Едва замрет кладбищенский псалом,
Настойчивый, со вскинутым челом,
Я поднимусь на гребень перевала.

Ведь там не раз душа моя бывала
И сны несла и замыслы на слом:
Так хорошо не помнить о былом
Кораблику — до нового причала.

Отечество определится мне
В какой-нибудь заброшенной стране
С тамтамами и хрипотой гортанной.

Кликун, и там я к Богу воззову,
Игралищам противник неустанный,
И снова часть бессмертья изживу.

18-20 сентября 1972 года.

Переработано 28 и 29-го октября
1975 года.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие Юрия Иваска	3
Акростих	9
При получении «Океана»	10
Мы	11
Двое	12
День и ночь (I)	13
День и ночь (II)	14
Параллели	15
Томление	16
Издавека	17
Далекому	18
Признание	19
Слово Аристофана	20
Степени	21
Хрустальный шар	22
Долгожданное письмо	23
Автобиография	24
Обещание	25
О грехе	26
Гигант	27
Женя	28
Червонный туз	29
Суд	30
Без маски	31
Бред	32
Последняя игра	33
Солнце Гаваона	34
Крапивница	35
«Вопреки всему»	36
Времена	37
Исцеление	38
Алкивиад	39
Достойному	40
Статуя	41
Бессмертие	42

	Стр.
Переживи	43
Соблазн	44
При посылке «Звена»	45
Нарцисс	46
Читая Константина Леонтьева	47
Улов	48
Конец боя	49
Good-Buy!	50
Рождение духа	51
Близнецы	52
Пан	53
В раю	54
Больному	55
Желанная встреча	56
Бразильский Ариэль	57
В Бразилии	58
Незримому	59
Совпадения	60
Непобежденный	61
Сны	62
Письмо издалека	63
При получении сонетов Камюэнса	64
Меры	65
Призыв	66
Поддавки	67
Крест	68
Заблудшему	69
Врач	70
Пятно	71
Голубиная почта	72
Чернокнижники	73
Сонет собачий	74
В разлуке	75
Самарянин	76
В одном лице	77
Шенок	78
Безумие	79
Собирателю писем	80
Не для печати	81
Отречение	82

	Стр.
Юноша в порту	83
Болемер	84
Король	85
Юному поэту	86
Недосмотр	87
Скопидом	88
Дерево	89
На этот раз	90
Вурдалак	91
Букварь	92
Совесть	93
Дух — духу	94
Назорей (I)	95
Назорей (II)	96
Любимость	97
Маленькому Вадиму	98
Поэт-лауреат	99
Комета Когутека	100
Земля и море	101
Рознь	102
Воздаяние	103
Кровинка	104
«Ка»	105
Человеку	106
Одиночество	107
Поводырю	108
Корь	109
Февраль	110
Будущему отцу	111
Колдовство	112
Лезвие	113
Портрет	114
Письмо (I)	115
Письмо (II)	116
До тридцати	117
Под вечер	118
Птицеловы	119
Валерию Второму	120
После эпилога	121
Приглашение в рай	122

	Стр.
Предупреждение	123
Память	124
Большому	125
Любоед	126
Весна	127
Новоселье	128
De profundis	129
Выставка зеркал	130
Прощение	131
Призвание	132
Перечитывая Гумилева (I)	133
Перечитывая Гумилева (II)	134
Не ревность!	135
Женатому другу	136
Английский сонет	137
Фотографическая карточка	138
Племенной сонет	139
Справка	140
Сонет обиды	141
Едва знакомому	142
Вслепую	143
Признание в любви	144
Английский сонет	145
Мой сонет	146
Сосуды	147
Неудача	148
Переезд	149
Призраки	150
Смерть вымысла	151
Чижик	152
Творец	153
Акростих	154
Блудники	155
Жены	156
Не первый раз	157
Верность в неверности	158
В разлуке	159
Клин	160
Счет	161
Звено (венки сонетов)	163

КНИГИ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА

Распроданы

- I. В ПУТИ (1937)
- II. ДОБРЫЙ УЛЕЙ (1939)
СКАЗАНИЕ СТАРОГО МОРЯКА (1940) — перевод поэмы С. Т. Кольриджа
- III. ЗВЕЗДА НАД МОРЕМ (1941)
- IV. ЖЕРТВА (1944)

Имеются в продаже

- V. ЮЖНЫЙ ДОМ (1968). Нейманис, 5 ам. долл.
СТИХИ НА ВЕЕРЕ (1970) — антология китайской классической поэзии. Посев, 5 ам. долл.
- VI. КАЧЕЛЬ (1971). Посев, 5 ам. долл.
- VII. ЗАПОВЕДНИК (1972). Посев, 5 ам. долл.
- VIII. С ГОРЫ НЕВО (1975). Посев 5 ам. долл.
ЛИ САО (1975) — перевод поэмы Цюй Юаня. Посев, 5 ам. долл.
- IX. АРИЭЛЬ (1976). Посев, 10 ам. долл.

Приготовлены к печати

ДАО-ДЭ-ЦЗИН — стихотворный перевод с китайского
ЦАРЬ САУЛ — драматическая поэма
ДУХОВНАЯ ПЕСНЬ — перевод поэмы св. Иоанна от Креста
с испанского
ТЕНЬ НА ЗАНАВЕСКЕ — вторая антология китайской классической поэзии
ЮЖНЫЙ КРЕСТ — антология бразильской поэзии
СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ — газеллы и персидские четверостишия
АНГЛИЙСКИЕ СОНЕТЫ ФЕРНАНДО ПЕССОА
ПОЭМА БЕЗ ПРЕДМЕТА